

ГЛАВА VII.

ДОМАШНЯЯ ЖИЗНЬ ЯПОНЦЕВЪ.

Дѣленіе японскаго общества на классы. — Японскій типъ мужской и женскій. — Одежда. — Обувь. — Жилища. — Японская школа, — Семейная жизнь.

Можно пройти изъ деревни въ Бентанъ, минуя японскій городъ. Отъ самыхъ предѣловъ священнаго мѣста идетъ вдоль рѣки широкое шоссе, поддерживаемое сваями. Оно возвышается надъ низменными улицами и болотомъ Йокогамы. Эта часть города составляетъ предмѣстье, населенное бѣднымъ рабочимъ классомъ и оканчивающееся караульнымъ военнымъ постомъ и таможенной заставой. Черезъ рѣку переброшенъ красивый деревянный мостъ, примыкающій къ шоссе на лѣвомъ берегу, устроенный на высокихъ сваяхъ, между которыми свободно проходятъ суда съ распущенными парусами. Слѣдуя этимъ шоссе, по направленію къ сѣверо-востоку, выходишь на большую дорогу Канагавы, а по направленію къ юго-западу—къ проселочнымъ деревенскимъ дорогамъ, ведущимъ къ заливу Миссисипи. Съ той и другой стороны, страна покрыта нивами и усѣяна множествомъ сельскихъ домиковъ. Отдѣльныя жилища, ближайшія къ дорогѣ, и даже тѣ, которыя составляютъ деревенскія улицы, по большей части построены съ сквознымъ проходомъ и почти всѣ открыты. Чтобы освѣжать воздухъ, жители раздвигаютъ на право и на лѣво складныя рамы, и взоры прохожихъ могутъ свободно прогуливаться по всему дому. При такихъ условіяхъ не трудно составить понятіе о внутренней обстановкѣ жилища, наблюдать отличительныя черты народнаго типа и нравы домашней жизни туземцевъ.

Условное дѣленіе японскаго общества на классы не кладетъ въ основу существеннаго различія породы или образа жизни. Съ высоты холма, на которомъ возвышается резиденція губернаторовъ Канагавы, я не разъ имѣлъ случай наблюдать въ какойнибудь отдѣльной пристройкѣ дома семейный бытъ якунинцевъ, или рабочихъ и земледѣльцевъ, хижины которыхъ разбросаны у подножья холма. Во дворахъ, огороженныхъ досчатой перегородкой, отдѣлявшей семейства военно-служащихъ, я замѣчалъ тѣ же привычки, тотъ же образъ жизни, какія видѣлъ и между низшимъ классомъ. Впослѣдствіи, посѣщая высшихъ чиновниковъ правительства, я еще болѣе убѣдился въ томъ именно, что можно привести къ нѣсколькимъ общимъ чертамъ преобладающій типъ и привычки всего центрального населенія имперіи, т. е. трехъ большихъ острововъ: Кіузу, Сикокфа и Ниппона.

Японцы вообще средняго роста и несравненно ниже германскаго племени, хотя имѣютъ въ этомъ отношеніи нѣкоторое сходство съ испанцами и жителями южной Франціи. Разница въ ростѣ мужчинъ и женщинъ несравненно значительнѣе въ Японіи, чѣмъ въ Европѣ. По наблюденіямъ доктора Монике, бывшаго медика голландской факторіи въ Нагасаки, средній ростъ человѣка равняется здѣсь пяти футамъ и одному или двумъ парижскимъ дюймамъ, а женщины—четыремъ футамъ и отъ одного до трехъ дюймовъ. Нельзя сказать, чтобы японцы сложены были непропорціонально, но голова ихъ нѣсколько велика и вдавлена въ плечи, грудь широка, корпусъ длиненъ, бедра мясисты, икры коротки и худощавы, ноги маленькія, руки тонкія и порою замѣчательно красивыя. У тѣхъ, которыхъ лобъ убѣгаетъ назадъ, а скулы широки и выдаются впередъ, лицо, если смотрѣть на него прямо, представляетъ скорѣе фигуру трапеціи, чѣмъ овалъ. Другая, болѣе общая, особенность состоитъ въ томъ, что глазныя ямы неглубоки и хрящевыя части носа слегка приплюснуты, а потому глаза несравненно ближе къ поверхности чѣмъ у европейцевъ. Однако же, не знаю почему, общій типъ нѣсколько не напоминаетъ ни китайскій, ни монгольскій: голова у японца больше, лицо продолговатѣе и правильнѣе, наконецъ носъ болѣе выдается, лучше обрисованъ и часто бываетъ даже орлиный. Если же непремѣнно искать сближенія, по моему мнѣнію, лучше сравнить ихъ съ обитателями Зондскихъ острововъ. Докторъ Монике увѣряетъ, что голова японца принадлежитъ къ туранскому племени.

Все безъ исключенія, японское населеніе имѣетъ гладкіе, густые и блестящіе черные волосы. У женщинъ они, вообще, короче чѣмъ въ Европѣ и Малой Азіи. Между мужчинами названныхъ странъ и японцами сходство будетъ гораздо полнѣе, чѣмъ между послѣдними и первобытными жителями Филиппинскихъ и Королинскихъ острововъ, также какъ алфурами южной Австраліи, у которыхъ волосы вьющіеся. Борода у японцевъ довольно густа, но они брѣютъ ее чрезъ каждыя два дня. Цвѣтъ

кожи мѣняется, смотря по различнымъ классамъ общества, начиная отъ мѣднокраснаго и смуглаго оттѣнка жителей внутренней Явы, до матово-бѣлаго или загорѣвшаго на солнцѣ лица обитателя южной Европы. Преобладающій оттѣнокъ—темнооливковый, ни въ какомъ случаѣ не напоминающій желтаго цвѣта китайцевъ. Совершенно противоположно съ европейцами, лицо и руки японца гораздо бѣлѣе тѣла. У маленькихъ дѣтей и молодыхъ людей того и другаго пола цвѣтъ лица розовый, щеки румяныя, однимъ словомъ тѣ же признаки цвѣтущаго здоровья, которое мы такъ любимъ видѣть во-

Воздушный паромъ.

кругъ себя. У женщинъ цвѣтъ лица свѣтлѣе, чѣмъ у мужчинъ. Въ высшемъ обществѣ и даже въ среднемъ сословіи очень много женщинъ совершенно бѣлыхъ. Аристократическія дамы считаютъ матово-блѣдный цвѣтъ чрезвычайно благороднымъ. Несмотря на то, всѣ онѣ отличаются отъ европейскаго типа двумя неизгладимыми чертами: глазами, прорѣзанными вкось, и грудями, отвисшими весьма некрасиво, не только у пожилыхъ, но даже у самыхъ молоденькихъ и хорошо сложенныхъ дѣвушекъ.

У мужчинъ и женщинъ глаза черные, зубы бѣлые, здоровые, съ правильными промежутками, но нѣсколько выдающіеся наружу. Обычай требуетъ, чтобы замужнія женщины чернили зубы: слабый намекъ на жителей Явы или Малазіи, у которыхъ зубы вообще болѣе или менѣе черны, хотя не отъ

краски, а отъ употребленія бетеля. Подвижность выраженія и чрезвычайное разнообразіе фizioноміи, замѣчаемое между японцами, по моему мнѣнію, являются прямымъ результатомъ умственного развитія болѣе самобытнаго, болѣе оригинальнаго и болѣе свободнаго, чѣмъ у всякаго другаго народа Азіи.

Національная одежда японцевъ называется «киримонъ». Это родъ открытаго спального халата, который у женщинъ дѣлается длиннѣе и полнѣе, чѣмъ у мужчинъ. Онъ подпоясывается въ талии поясомъ, состоящимъ у мужчинъ изъ узкаго шелковаго шарфа, у женщинъ изъ куска широкой матеріи, престранно завязываемой на спинѣ.

Японцы бѣлья не носятъ, но купаются каждый день. Женщины надѣваютъ рубашку изъ краснаго шелковаго крепа. Лѣтомъ крестьяне, рыбаки, рабочіе ходятъ во время работы почти совершенно голые, а женщины того класса оставляютъ на себѣ одну юпку. Въ дождливые дни надѣваются плащи изъ соломы или промасленной бумаги и шапки изъ бамбуковой коры, сдѣланныя, какъ на Явѣ, на подобіе щитовъ. Зимой простолюдины носятъ подъ киримонъ кафтанъ и узкіе панталоны изъ голубой бумажной матеріи, а женщины набрасываютъ сверху одинъ или нѣсколько ватныхъ плащей. Лица средняго сословія нигде не показываются безъ кафтана и панталонъ. Обыкновенное различіе въ ихъ костюмѣ заключается лишь въ сортѣ матеріи. Одни благородныя лица имѣютъ право носить шелкъ, но они одѣваются роскошно, только являясь ко двору или дѣлая церемоніальные визиты. Чиновники правительства «якунины», состоящіе на службѣ, носятъ широкіе панталоны, а вмѣсто киримона короткіе камзолы съ широкими рукавами, доходящіе до бедеръ: покрой камзоловъ не лишенъ изящнаго вкуса.

Обувь у всѣхъ одинакова: нитяныя носки и сандалии изъ плетеной соломы или деревянные сокки, подвязываемые шнурками, которые при этомъ продѣваются между большимъ пальцемъ ноги. Если дороги грязны, то обуваютъ простую деревянную подошву, прибитую къ двумъ небольшимъ брусьямъ. Большую же часть года простой народъ ходитъ въ соломенныхъ сандаляхъ. Возвращаясь домой, или входя къ кому нибудь въ комнату, каждый снимаетъ свои сокки или сандалии и оставляетъ ихъ на порогѣ.

Полы японскихъ жилищъ покрываются постоянно циновками. Такъ какъ онѣ всегда одинаковой величины (цыновка служитъ даже мѣрой), то не встрѣчается затрудненій для помѣщенія ихъ въ комнатахъ. Онѣ имѣютъ обыкновенно шесть футовъ и три дюйма длины, три фута два дюйма ширины, а толщину около четырехъ дюймовъ, дѣлаются же изъ рисовой соломы и плетутся чрезвычайно тщательно. Прикрѣпивши ихъ къ выемкамъ, сдѣланнымъ въ полу, и къ раздвижнымъ ставнямъ, играющимъ роль перегородокъ въ домѣ, японцы подраздѣляютъ свое жилище на нѣсколько комнатъ большей или меньшей величины, но всегда правильныхъ размѣровъ. Они могутъ, по желанію, измѣнять это расположеніе безъ малѣйшихъ хлопотъ, но никогда не удаляются отъ законовъ симетріи.

Затѣмъ уже циновка замѣняетъ всю остальную меблировку. Она служитъ вмѣсто матраца, и на ней спитъ японецъ, завернувшись въ широкій халатъ и прикрывшись большимъ ватнымъ одѣяломъ; она является скатертью, на которой раскладывается вся лакированная посуда и фарфоръ, во время обѣда; она же играетъ роль ковра, на которомъ топчутся дѣти голыми ногами, или дивана, гдѣ хозяинъ, присѣвши на пятки, приглашаетъ своихъ друзей и знакомыхъ усѣсться такимъ же образомъ и пускается въ безконечные разговоры, запивая ихъ по временамъ настоемъ чистаго чая, безъ примѣси постороннихъ веществъ, и затягиваясь табакомъ изъ микроскопической трубочки.

Въ японскихъ трактирахъ можно встрѣтить то, что называется на Явѣ «бали-бали»: то есть родъ подвижнаго пола или большаго стола, покрытаго циновками и возвышающагося почти на футъ отъ земли. Тутъ посѣтитель садится, ѣстъ, пьетъ, отдыхаетъ, говоритъ съ сосѣдами. Домъ японца не болѣе какъ усовершенствованный бали-бали, мѣсто отдохновенія, временное пристанище, куда укрываются по окончаніи всѣхъ деревенскихъ работъ. Но не здѣсь находится центръ его существованія, если можно впрочемъ употребить выраженіе это, говоря о народѣ, который живетъ день за днемъ, забываетъ что было вчера, и не заботится о томъ, что будетъ завтра.

Я присутствовалъ однажды при урокахъ поддужины мальчиковъ нашей деревни, сидѣвшихъ на корточкахъ вокругъ своего наставника, и полюбопытствовалъ узнать значеніе словъ, которыя они повторяли хоромъ. Мнѣ сказали, что они повторяютъ «ивора», родъ азбуки, гдѣ въ четырехъ строчкахъ соединены и сгруппированы ни гласныя и согласныя буквы, но основныя звуки японскаго языка. Ихъ число простирается до сорока осьми, но вмѣсто распредѣленія на грамматическихъ началахъ, согласно органамъ слова, они составляютъ небольшое стихотвореніе, первое слово котораго — ивора, даетъ азбукѣ свое имя. Я привожу ее буквально, причемъ считаю нужнымъ предварительно замѣтить, что согласная *в* произносится въ японскомъ діалектѣ иногда какъ *Ѣ*, иногда какъ фран-

цузское придыхательное *h*; что двойная согласная французская *w* сохраняет всегда звукъ англійскаго *w*, и, наконецъ, что постоянно смѣшиваются звуки: *d* и *m*, *z* и *k*, также какъ *ee* или *dze* съ *u* или *tee*. Однимъ словомъ, я нисколько не удивлюсь, если для европейцевъ придется составить новую японскую азбуку.

Какъ бы то ни было, но вотъ, какъ казались мнѣ, эти звуки: «Ивора нивовето тзиринуру уо. Уагайо дарѣдо тзунѣ нараму. У уйи но окуйяма кѣфу койѣтѣ. Азаки йюмѣмизи эвимо сѣзу унѣ.» Въ этомъ стихотвореніи, повторяемомъ ежедневно на крайнихъ предѣлахъ нашего полушарія столькими миллионами маленькихъ человѣческихъ существъ, которыя точно такія же безсмертныя созданія какъ и мы,—заинтересовало меня и, признаюсь, болѣе всего поразило самое значеніе словъ: «Цвѣтъ и запахъ исчезаетъ. Что можетъ быть постояннаго въ нашемъ мірѣ? Сегодняшній день канулъ въ бездонныя пропасти ничтожества. То было непрочное подобіе сна: оно не оставило ни малѣйшаго безпокойства.»

Скажу по совѣсти, эта національная азбука высказала мнѣ гораздо болѣе истиннаго объ основномъ характерѣ японцевъ, чѣмъ самыя толстыя книги. Въ теченіе многихъ вѣковъ, поколѣнія, сходящія со сцены, повторяютъ поколѣніямъ нарастающимъ: «Въ этой жизни нѣтъ ничего прочнаго; настоящее проходитъ какъ сонъ, и его исчезновеніе не оставляетъ ни малѣйшаго безпокойства.» Что подобная философія о суетѣ мірской не удовлетворяетъ потребностямъ души, тому лучшимъ доказательствомъ служить страшное развитіе, какое приняло въ этой странѣ выраженіе религіознаго чувства. Но въ тоже время, весьма вѣроятно, что она дѣйствуетъ непрерывно, какъ скрытая сила, которой вліяніе обнаруживается въ множествѣ житейскихъ мелочей. Не она ли, напримѣръ, устраняетъ домашній комфортъ, плодъ благоразумныхъ соображеній, и общую комнату—семейную гостиную, это святилище воспоминаній дѣтства и прародительскихъ преданій. Жилище японца приспособляется къ настоящей минутѣ, но не хранитъ слѣда протекшихъ минутъ. Вся поэзія его заключается въ немедленномъ согласіи съ явленіями міра внѣшняго. Такимъ образомъ, едва наступитъ ночь, ставни задвигаются, комната разбивается на дортуары, и внутри большой деревянной клѣтки, обтянутой промасленной бумагой, зажигается лампа, свѣтъ которой блещетъ въ потьмахъ, подобно тихому сіянію небесныхъ свѣтилъ. Съ наступленіемъ дня всѣ принадлежности спальныхъ комнатъ снимаются и прячутся въ особое помѣщеніе. Со всѣхъ сторонъ раздвигаются ставни, и внутренность дома выметается отъ одного конца до другаго. Утренній воздухъ проникаетъ во всѣ углы жилища, и солнечные лучи ложатся широкими полосами на циновкахъ, такъ же свободно какъ и въ открытомъ полѣ. Наконецъ, во время сильныхъ полуденныхъ жаровъ, домъ закупоривается такъ герметически, всѣ щели и отверстія заставляются изнутри такъ тщательно занавѣсками и ширмами, что воцаряется полный мракъ, какъ въ какой нибудь подземной пещерѣ. Подобная манера принимать жизнь и разсматривать ее лишь со стороны чувственныхъ явленій, считать ее цѣнью чередующихся часовъ, дней, годовъ, жить всегда подъ впечатлѣніемъ минуты, придаетъ наслажденію наивную живость страданію, лишеніямъ—характеръ фатализма, исключаящій всякій ропотъ, наконецъ, смерти—печать какой-то тривіальности.

Болѣе всего изъ такого міросозерцанія извлекаютъ пользу дѣти. Во первыхъ, само собою разумѣется, что дѣтство повсюду имѣетъ свои права. Во первыхъ и отцы и матери находятъ въ исполненіи этого закона природы собственное удовлетвореніе. Они эксплуатируютъ его лично для себя какъ предлогъ къ наслажденію, какъ причину къ развлеченіямъ, которымъ и отдаются отъ всего сердца, что весьма натурально правится дѣтямъ. Путешественники, писавшіе о томъ, что японскія дѣти никогда не плачутъ, засвидѣтельствовали, хотя и съ нѣкоторымъ преувеличеніемъ, дѣйствительный фактъ. Онъ объясняется тѣми обстоятельствами, о которыхъ я только-что упомянулъ, равно какъ и нѣкоторыми внѣшними условіями, благопріятствующими этому.

Японецъ имѣетъ только одну жену. Последняя вступаетъ очень юною въ семейную жизнь, что можетъ быть весьма дурно во всѣхъ отношеніяхъ, за исключеніемъ педагогической точки зрѣнія, занимающей насъ теперь. Она, почти безъ промежутка, переходитъ отъ куколъ къ дѣтямъ и долго еще сама сохраняетъ дѣтскій характеръ. Съ другой стороны, народный обычай требуетъ, чтобы она не воспитывала ребенка въ нѣгѣ: его нужно закалить противъ атмосферическаго вліянія, вынося каждый день на воздухъ и даже на полуденное солнце, совершенно голаго и съ бритой головой. Чтобы, по возможности, пронести его дольше безъ утомленія, мать кладетъ его за спину и придерживаетъ между рубашкой и воротникомъ своего киримона, какъ какой нибудь узелъ съ вещами. Нерѣдко видишь какъ женщина занимается полевою работою, между тѣмъ какъ маленькая головка покачивается у нея между плечами. Дома дѣтей можно оставлять однихъ, безъ всякаго опасенія позво-

лать имъ кататься, сколько душѣ угодно по циновкамъ, ползать на четверенькахъ, пробовать вставать на ноги, именно потому, что нѣтъ никакой мебели, о которую бы они могли ушибиться и ничего такого, чтобы они могли столкнуть или разбить. Домашними товарищами ихъ бываетъ порода небольшихъ пуделей на короткихъ ногахъ, съ круглымъ тѣльцемъ отъ жиру, и особый видъ кошекъ, съ бѣловатой шерстью, испещренной желтыми и черными пятнами, плохихъ охотниковъ за мышами, чрезвычайно лѣнивыхъ, чрезвычайно любящихъ ласкаться. Эти животныя, подобно яванскимъ, не имѣютъ хвоста, или, лучше сказать, имѣютъ только небольшіе зачатки хвоста.

Во всякомъ сколько нибудь зажиточномъ семействѣ содержится непременно акваріумъ, гдѣ встрѣчаются рыбы красныя, золотистыя, серебристыя, прозрачныя, однѣ круглыя какъ мячикъ другія съ широкимъ и длиннымъ хвостомъ или дланевиднымъ плавникомъ, служащимъ вмѣсто руля и извивающимся во всѣ стороны, подобно самому тончайшему газу. Кромѣ того въ нѣкоторыхъ домахъ устраиваются клѣтки изъ пластинокъ блестящей бамбуковой коры, куда запираютъ, среди цвѣтовъ и зелени, большихъ бабочекъ и толстыхъ стрекозъ, пѣніе которыхъ, рѣзкое и монотонное нравится туземцамъ.

Вотъ въ главныхъ чертахъ, обстановка, среди которой свободно развиваются японскіе дѣти. Первымъ и главнымъ условіемъ считаются природа, воздухъ, поля; второстепеннымъ — отеческій домъ, являющийся для нихъ не болѣе какъ крытою лужайкой. Родители не скупаются ни на игрушки, ни на игры, ни на праздники, столько же для собственнаго удовольствія, сколько и въ интересахъ воспитанія дѣтей. Такъ называемые уроки заключаются въ хоровомъ пѣніи иворы, во все горло, въ упражненіяхъ чтенія, рисованіи кистью и китайской тушью буквъ азбуки, потомъ словъ, наконецъ цѣлыхъ фразъ. Въ преподаваніе не вносятъ ни поспѣшности, ни соревнованія, потому что дѣло идетъ о такой вещи, которая заявляетъ сама свою пользу, но которая усваивается только долговременной практикой. Никому и въ голову не приходитъ лишить дѣтей своихъ благодѣянія образованія. Здѣсь не знаютъ ни школьныхъ порядковъ, ни исправительныхъ мѣръ для упрямыхъ учениковъ и не смотря на то, все подрастающее населеніе обоихъ половъ умѣетъ читать, писать и считать.

Не все заслуживаетъ пренебреженія въ педагогическихъ приемахъ японцевъ.

ГЛАВА VIII.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЯПОНСКАГО НАРОДА.

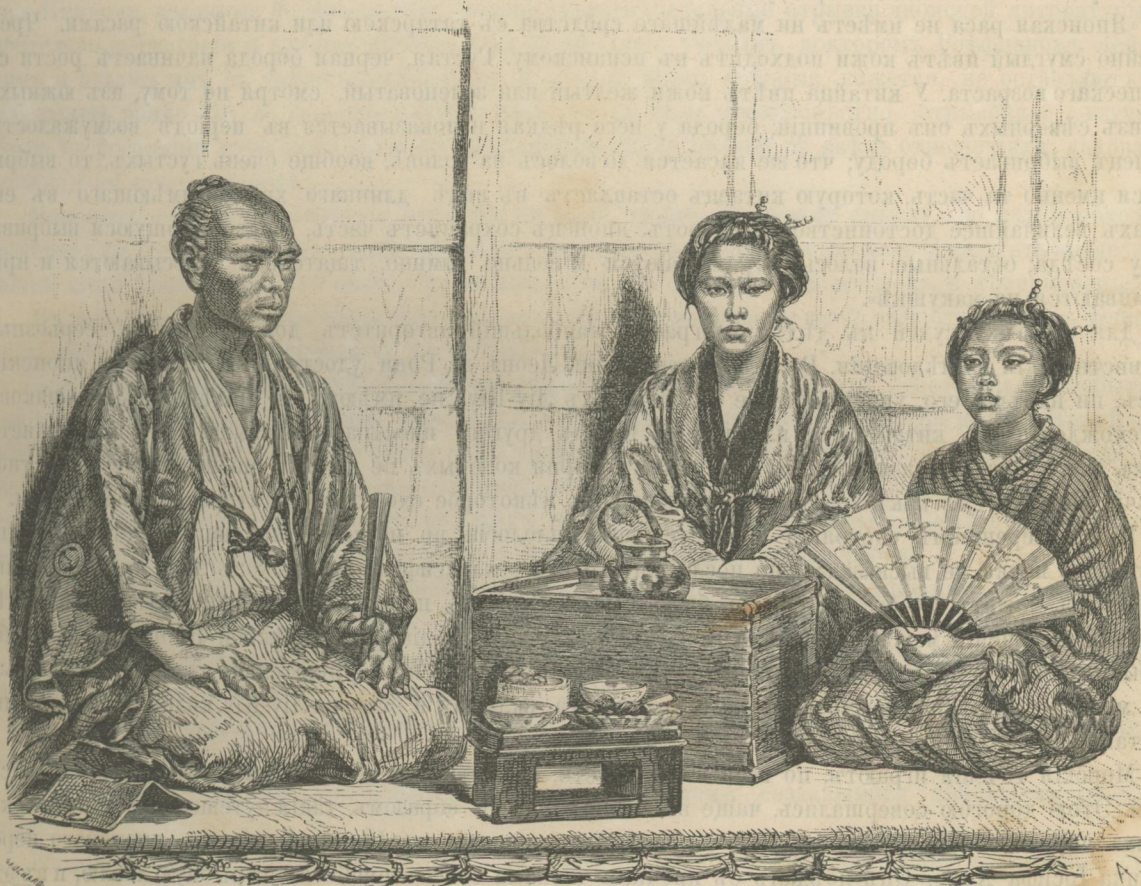
Аиносы или Аины. — Трудность опредѣленія японской этнографіи. — Лингвистическія изслѣдованія. — Японская космогонія. — Начало исторической эры Японіи.

Наблюдая нравы японцевъ, я нѣсколько разъ задавалъ себѣ вопросъ: откуда могъ появиться этотъ интересный народъ? но никогда не находилъ удовлетворительнаго отвѣта для своего любопытства. Мнѣ кажется, что сравнительная филологія въ состояніи разрѣшить эту задачу. Передъ ней лежитъ обширное поле, если придется искать происхожденія японскаго народа между туранскими татарами — номадами. Быть можетъ для нея не лишнее будетъ сосредоточить также вниманіе свое на языкахъ малайзійскаго архипелага. Какъ бы то ни было, но я не сомнѣваюсь, что она отвергнетъ всякое сходство между китайцами и японцами, языки которыхъ, по моему мнѣнію, не имѣютъ никакого сходства.

Правда, предположеніе о заселеніи японскихъ острововъ китайскими эмигрантами прежде всего приходитъ въ голову. Я вполне согласенъ, что между Кореею, сѣверомъ Японіи, Курильскими островами и даже Камчаткой производились сношенія съ незапамятныхъ временъ, такъ какъ эта цѣпь острововъ, идущая въ сѣверныхъ предѣлахъ Великаго Океана отъ азіатскаго континента къ американскому, походитъ на разрушенный арки гигантскаго моста, и невольно наводятъ на мысль о переходѣ изъ одной части свѣта въ другую навигаціоннымъ путемъ.

Но, восходя къ началу происхожденія японскаго народа, мы встрѣчаемъ не кочующую орду завоевателей, но мирныя племена рыбаковъ и звѣролововъ, разсѣянные подъ именемъ Аиновъ (туземное выраженіе, означающее «люди») вдоль побережья и по островамъ сѣверной части Великаго Океана. У аиновъ типъ вовсе не монгольскій; у нихъ глаза не прорѣзаны наискось и не узки, скулы не выдаются, борода не рѣдѣющая; напротивъ, эта раса вообще коренастая, съ большой круглой головой, и специально отличается изумительнымъ развитіемъ волосной системы: глядя на нихъ, невольно задаешь себѣ вопросъ: не приходится ли они современниками пещерному медвѣдю. Американскій теологъ Бикморъ, наблюдавшій аиновъ на берегахъ Иесо, причисляетъ ихъ къ нашему великому арійскому семейству. Если это такъ, то по всей вѣроятности они единственная отрасль арійцевъ, вытѣсненная иноземнымъ нашествіемъ, вмѣсто того, чтобы вытѣснять другихъ съ ихъ мѣстожительства.

Такъ какъ исчезли кельты изъ нѣкоторыхъ графствъ Англіи, гдѣ они повидимому пустили глубоко корни, такъ точно и аиносы теряютъ мало-по-малу издревле принадлежавшія имъ мѣстности

Буржуазные японскіе типы.

на Курильскихъ островахъ, на Сахалинѣ и Иесо. Численность ихъ не простирается даже свыше 10 или 12,000 душъ. Воспоминаніе о нихъ, впрочемъ, остается до сихъ поръ въ почетѣ у японскаго народа. Еще и теперь, на самыхъ роскошныхъ пирахъ, подаются въ память предковъ, обыкновенныя ракушки, служившія, какъ говорятъ, первобытною пищею аиновъ. Ихъ имя не влечетъ за собою никакого презрительнаго сближенія: въ японскомъ языкѣ есть также выраженіе равнозначашее греческому понятію о варварѣ, но оно произносится *ибисъ*, а не аинось. Тѣмъ не менѣе, если варварскіе народы, съ которыми должны были сражаться основатели японской монархіи, извѣстны были подъ названіемъ *ибисовъ* и не принадлежали къ племени аиновъ, то спрашивается, чѣмъ же отличались они отъ послѣднихъ, гдѣ кроется происхожденіе тѣхъ и другихъ и, наконецъ, откуда пришли ихъ побѣдители и завоеватели.

Выяснивъ тѣ затрудненія, которыя возникаютъ при опредѣленіи точки отправленія японской этнографіи, надѣюсь, никто и не потребуетъ блистательнаго анализа началъ, входящихъ въ составъ теперешняго населенія имперіи. И дѣйствительно, послѣдующій разсказъ еще болѣе запутывается дѣломъ. Не думаю, чтобы было особенно важно для изслѣдованія напирать на тотъ принципъ, что японцы, по формѣ черепа, принадлежатъ очевидно къ туранскому семейству: вся суть заключается въ томъ, чтобы ясно и осязательно указать на связь, существующую между японской вѣтвью и туранскимъ семействомъ; важнѣе всего объяснить, по какому странному явленію одно и то же родословное дерево даетъ въ Китаѣ и Корей отпрыски желтой расы, а немного подальше, въ Японіи — отпрыскъ бѣлой расы.

Марко Поло, жившій въ 1280 году среди татаръ, съ первыхъ же строкъ описанія острова Ципангу (Японіи), указываетъ на характеристическую черту различія между японцами и монголами. «Обитатели Ципангу, говоритъ онъ, имѣютъ бѣлый цвѣтъ кожи и отличаются прекраснымъ обращеніемъ».

Исходя изъ того же наблюденія, полковникъ Дю-Пенъ разрѣшаетъ по военному этнографическія противорѣчія. Вотъ какъ онъ разсуждаетъ:

«Японская раса не имѣетъ ни малѣйшаго сродства съ татарскою или китайскою расами. Чрезвычайно смуглый цвѣтъ кожи подходитъ къ испанскому. Густая, черная борода начинаетъ расти съ юношескаго возраста. У китайца цвѣтъ кожи желтый или зеленоватый, смотря по тому, изъ южныхъ или изъ сѣверныхъ онъ провинцій; борода у него рѣдкая и показывается въ періодѣ возмужалости. Японецъ выбриваетъ бороду; что же касается до волосъ на головѣ, вообще очень густыхъ, то выбривается именно та часть, которую китаецъ оставляетъ въ видѣ длиннаго хвоста, имѣющаго въ его глазахъ величайшее достоинство; наоборотъ, японецъ сохраняетъ часть, подвергающуюся выбриванію у сосѣда; остальные волосы отрастаютъ довольно длинно, тщательно зачесываются и припиливаются на макушкѣ».

Для строгихъ судей въ дѣлѣ этнографіи, наибольшій авторитетъ должны имѣть серьезныя лингвистическія изслѣдованія. Въ этомъ отношеніи, Леонъ де Рони удостовѣряетъ, что ни японскій языкъ, ни нарѣчіе его, употребляемое на островахъ Ліу-Киу, не имѣютъ ни малѣйшихъ признаковъ происхожденія отъ китайскаго, или какого нибудь другаго иностраннаго языка. Онъ причисляетъ его къ автохтонскимъ языкамъ, то есть такимъ, корни которыхъ не похожи ни на какое извѣстное нарѣчіе, между тѣмъ какъ грамматика показываетъ нѣкоторое сходство съ татарскими нарѣчіями.

При теперешнемъ состояніи сравнительной филологіи по изученію крайнаго Востока, можно думать, что наука не высказала еще послѣдняго слова о классификаціи языковъ этой части земнаго шара. Быть можетъ, не безынтересно было бы изслѣдовать, не существуетъ ли болѣе или менѣе близкихъ отношеній между нарѣчіями Зондскихъ острововъ и діалектами южной Японіи. Каковы бы ни были древнія сношенія этой страны съ Китаемъ и Кореей, но я рѣшительно склоняюсь въ пользу того мнѣнія, что южная часть японскаго архипелага, включая и острова Ліу-Киу, колонизовались эмигрантами, пришедшими съ юга.

Морскія теченія играютъ, по всей вѣроятности, важную роль въ таинственной исторіи переселеній. Этою дорогою совершались, чаще всего невольнымъ образомъ, такія путешествія, размѣры которыхъ поражаютъ воображеніе. Всѣ европейскіе резиденты въ Йокогамѣ знаютъ японскаго переводчика Іосифа Хико. Онъ поѣхалъ съ прочими членами своего семейства на рыбную ловлю, и въ это время порывъ вѣтра сорвалъ ихъ лодку съ якоря и погналъ въ открытое море. Великое экваторіальное теченіе, омывающее южные и восточные берега Японіи и потомъ спускающееся, по кривой линіи въ нѣсколько тысячъ миль, къ берегамъ Калифорніи, — погнало несчастныхъ рыболововъ въ этомъ направленіи. Они встрѣтили на пути американскій корабль, который высадилъ ихъ въ Санъ-Франциско.

Между Китаемъ и Японіею плаваніе трудно и опасно: чрезъ каналъ, раздѣляющій обѣ земли, направляется съ сѣвера къ югу холодное полярное теченіе, въ то самое время, когда громадныя токи теплой воды изъ Индѣйскаго океана, вырываясь изъ Малаккскаго и Зондскаго проливовъ, стремятся по направленію отъ юго-запада къ сѣверо-востоку и обрушиваются не на берега Китая, но, какъ я уже выше сказалъ, на южные и восточные берега Японіи и сѣверо-западной Америки.

Первые европейцы, приставшіе къ Японіи, были три португальскихъ дезертира: Антони де Мотто, Франсизъ Зиморо и Антонио Перота, которые выѣхали изъ сіамскаго порта въ туземной джонкѣ. Увлеченные бурей въ море, они попали на экваторіальное теченіе и были прибиты имъ къ южнымъ

берегамъ острова Кіузіу (1542). Знаменитый португальскій авантюристъ Фернандъ Мендецъ Пинто и два товарища его, Діэго Зеймото и Кристофъ Борелло, испытали ту же участь, отправившись изъ Макао на китайской джонкѣ. Ихъ выбросило на японскій островъ Танегазима (1542).

Имѣя передъ собою такіе факты, не безынтересно вспомнить, что было время, когда островъ Ява, съ подвластными владѣніями, составлялъ могущественное государство, которое, посредствомъ собственнаго флота, поддерживало коммерческія сношенія, съ одной стороны до Мадагаскара и Аравіи, съ другой—до Китая и сосѣднихъ съ нимъ архипелаговъ. Моя мысль невольно переносится въ эту сторону и вообще въ Малазію всякій разъ, какъ удастся открыть какую нибудь неожиданную аналогію между общественными нравами и семейными привычками яванцевъ и японцевъ. Но я могу выразить это замѣчаніе лишь мимоходомъ, потому что оно принадлежитъ пока къ однимъ предположеніямъ. Если же начинаешь разспрашивать самихъ японцевъ, то получаешь одни уклончивые отвѣты, что происходитъ или отъ ихъ собственнаго невѣдѣнія, или же отъ нежеланія разоблачать передъ взорами профановъ святилище своихъ національныхъ преданій. Впрочемъ, послѣднія намъ отчасти извѣстны. Они были предметомъ значительныхъ трудовъ и изысканій со стороны католическихъ миссіонеровъ и докторовъ, находившихся на службѣ нидерландской индійской компаніи. Архивы Ниппона, изданные Ф. Зибольдомъ, содержатъ замѣчательные отрывки японской литературы относительно космогоніи и исторіи народа. Они переведены ученымъ докторомъ Гоффманомъ Лейденскимъ и изданы имъ съ такими замѣчаніями и объясненіями, которыя, кажется, не оставляютъ ничего желать болѣе. Но, во всякомъ случаѣ, какъ бы ни было добросовѣстно отрывочное изученіе, оно не въ состояніи дать намъ разгадку цивилизаціи столь полной во всѣхъ отношеніяхъ, какова цивилизація японскаго народа.

Наконецъ, есть вещи, которыя какъ бы ни были темны по своему смыслу, но ихъ необходимо принимать въ томъ же самомъ видѣ. Японскую систему образованія міра нельзя излагать иначе, какъ японцы сами понимаютъ, или скорѣе принимаютъ ее изъ рукъ своихъ жрецовъ и лѣтописцевъ.

Въ ней можно отличить часть философскую, заимствованную по всей вѣроятности изъ Китая, и часть легендарную—происхожденія чисто-національнаго.

Космогоническая китайская система принимаетъ за начало Таи-Кгита, субстанцію первобытную и вѣчную, абсолютную и крайнюю. Она учитъ, что всякое вещество заключается въ Таи-Кгитѣ подъ двумя видами—Іанга и Іина, что Іангъ есть принципъ дѣйствующій, движущій, мужескій, или первоначальная сила, а Іинъ—принципъ пассивный, неподвижный, женственный, или первоначальная матерія; и наконецъ, что элементы, изъ которыхъ состоитъ вселенная, являются результатомъ частицъ Іанга и Іина, проистекшихъ изъ Таи-Кгита и комбинированныхъ между собою.

Съ своей стороны, японская космогонія предполагаетъ рядъ несоизмѣримыхъ послѣдовательныхъ періодовъ, въ теченіе которыхъ созидалось дѣло зарожденія міра въ слѣдующемъ порядкѣ:

Среди хаотическаго періода, божественное тройственное начало вызываетъ силою творческой инициативы своей отдѣленіе неба отъ земли.

Во второмъ періодѣ, рядъ семи небесныхъ династій символизируетъ образованіе различныхъ элементовъ.

Три первыя династіи управляются мужскимъ началомъ, создавшимъ дѣйствіемъ небеснаго разума.

Въ продолженіе четырехъ послѣдующихъ династій господствуетъ пассивное совмѣстное существованіе мужескаго начала съ принципомъ женскимъ, созданнымъ дѣйствіемъ земнаго разума.

Послѣ того, какъ подготовлены были всѣ элементы, окончательное творчество исполнилось дѣйствіемъ послѣдней четы небесныхъ боговъ, двумя послѣдовательными фазами: первоначально-исключительно духовнымъ союзомъ двухъ совмѣстно существующихъ принциповъ, что выразилось сотвореніемъ Японіи; и вторично-плотскимъ союзомъ, породившимъ династію земныхъ боговъ, которыхъ насчитываютъ пять поколѣній.

Послѣдняя примыкаетъ къ Цинму-тенъ-воо, основателю династіи Микадо.

Изложивъ въ главныхъ чертахъ все, что только можно извлечь изъ параллели двухъ системъ—китайской и японской, перехожу къ изложенію послѣдней, въ ея традиціональной и народной формѣ.

КНИГА БЫТІЯ ЯПОНИИ.

Въ началѣ не было ни неба, ни земли ¹⁾.

Стихій всѣхъ вещей составляли жидкую, мутную массу, подобную яйцу въ зародышѣ, гдѣ бѣлокъ и желтокъ остаются въ смѣшеніи.

Въ безконечномъ пространствѣ, наполнявшемъ этотъ хаосъ, возникъ богъ, который называется божественнымъ верховнымъ существомъ и имѣетъ тронъ посреди неба.

Потомъ явился богъ-творецъ, парящій надъ созданиемъ; потомъ богъ-творецъ, имя котораго есть верховный разумъ.

Каждый изъ этихъ трехъ первобытныхъ боговъ имѣлъ собственное существованіе, но они не выходили еще изъ сферы своей духовной природы.

Тогда совершилось, мало-по-малу, распредѣленіе въ хаосѣ.

Тончайшіе атомы, носившіеся въ безпредѣльномъ пространствѣ, образовали небо.

Атомы грубѣйшіе соединились, сплотились вмѣстѣ и составили землю.

Тончайшіе атомы скоро раскинули округленный небесный куполъ надъ нашею головою.

Атомы грубѣйшіе смыкались медленнѣе въ твердое тѣло, и земля возникла спустя долгое время послѣ неба.

Когда земная матерія носилась еще, какъ рыба играющая на поверхности водъ, или какъ образъ луны, трепещущій въ прозрачной волнѣ, между небомъ и землею показалось нѣчто похожее на стельку тростника ²⁾, одаренное движеніемъ и способное къ преобразованію.

Это нѣчто воплотилось въ трехъ боговъ, именно:

Куни-токо-татзи, но микато, то есть священнѣйшее, предвѣчно существующее во вселенной ³⁾.

Куни-затсудзи, но микато, который владычествовалъ свойствами воды (первой изъ пяти стихій); и

Тойо-куму су, но микато, который господствовалъ свойствами огня.

Всѣ трое были мужескаго пола, потому что обязаны были происхожденіемъ своимъ дѣйствию небеснаго разума.

Послѣ первыхъ трехъ боговъ мужескаго пола, были четыре пары боговъ и богинь, неимѣвшихъ, впрочемъ, между собою половыхъ сношеній, именно:

Ву-хитзи-ни, но микато, и его подруга, который владычествовалъ свойствами дерева (третья стихія);

Охо-то-тзи, но микато, и его подруга, который владычествовалъ свойствами металла;

Омо-тару но микато, и его подруга, который владычествовалъ свойствами земли; наконецъ

Ицанагхи, но микато, и его подруга Ицанамии.

Эта вторая династія представляетъ одинаковое число богинь и боговъ, такъ какъ земной разумъ, равно какъ и разумъ небесный содѣйствовали въ равной степени къ ихъ созданію.

Первый изъ семи означенныхъ небесныхъ боговъ, Куни-токо-татзи но микато, есть инициаторъ созданія нашей вселенной.

Всѣ семь боговъ вмѣстѣ осуществляютъ стихіи этого созданія.

Три первыхъ поколѣнія — исключительно духовны.

Въ четырехъ послѣднихъ, то есть въ четахъ боговъ и богинь, есть совмѣстное существованіе двухъ принциповъ, мужскаго и женскаго, но сознаніе своей природы проявляется лишь у Ицанагхи и Ицанамии, въ седьмомъ и послѣднемъ поколѣніи.

Эра небесныхъ боговъ, начинающаяся съ Куни-токо-татзи и оканчивающаяся съ Ицанагхи и Ицанамии, обнимаетъ несоизмѣримое число миллионъ лѣтъ.

Міръ Ицанагхи и Ицанамии относится къ сотворенію обитаемой земли, начиная созданиемъ Японской имперіи.

Однажды, когда богъ и богиня, наклонясь надъ небеснымъ мостомъ, бесѣдовали между собою, разговоръ ихъ коснулся возможности существованія низшаго міра.

Чтобы удостовѣриться въ этомъ, Ицанагхи сказалъ своей подругѣ: «Поищемъ, не найдется ли

¹⁾ Женскій принципъ (*же*) и мужской принципъ (*бо*) не были раздѣлены. (Толкованіе Клапрота, принимаемое и г-мъ де Рони).

²⁾ Матерія подобная бутону эвріанта (изъ семейства злаковыхъ). (Толкованіе г. Фрессине).

³⁾ Леонъ де Рони, *Mémoire sur la Chronologie japonaise*, въ началѣ котораго помѣщенъ краткій очеркъ доисторическихъ временъ. Paris. Maisonneuve et Co. 1857.

какого нибудь міра, затопленнаго водами, которыя подъ нами находятся», и съ этимъ словомъ онъ погрузилъ алмазный конецъ своего небеснаго дротика, и сталъ пробовать имъ во всѣхъ направленіяхъ; когда онъ его вынулъ, то съ окончности алмаза сбѣжали капли соленой воды и, сплотившись, во время паденія, образовали островъ, который называется Онакаро-сима.

Оба бога спустились на этотъ островъ и рѣшили обратитъ его въ центральный столбъ великаго архипелага, созданнаго ими съ общаго согласія.

Здѣсь именно выразился способъ, какой они употребили при этомъ первомъ соединеніи своей творческой силы.

Одинъ отправился влѣво, другая вправо, и такъ обошли кругомъ островъ. При встрѣчѣ, богиня вскричала вѣ себя отъ радости: «О! какъ я счастлива, что снова вижу тебя, дорогой и любезный супругъ!» Но богъ, недовольный тѣмъ, что его предупредили, отвѣчалъ: «Въ качествѣ мужа, я

Цинму.

(Образецъ японскаго рисунка.)

имѣю право говорить первый; для чего же ты незаконно пользуешься этимъ правомъ? Подобная поспѣшность—дурная примѣта. Чтобы отвратить печальныя послѣдствія, надобно начать снова».

Во второй разъ, первымъ заговорилъ богъ, и какъ только встрѣтился съ богиней,—вскричалъ: «О! какъ я счастливъ, что опять тебя вижу, милая, дорогая супруга!»

Начиная съ этой минуты, ничто не прерывало болѣе дѣло творенія, которое выполнилось въ слѣдующемъ порядкѣ:

Ицанагхи первоначально вызвалъ изъ глубины водъ островъ земной пѣны, Авадзи; потомъ гористый Ого-Іамато, богатый осенними плодами и превосходными гаванями; затѣмъ Йію съ очаровательными видами Сануки, Авы и Тозы; потомъ Тзikuзи, пятиугольный островъ; Икинодну изъ колоннъ неба; Теузиму—съ прекрасными портами; Они—съ тремя его островками; и славный Садо, полный золота и мѣди: всѣ они вмѣстѣ образовали имперію осьми большихъ острововъ. Наконецъ всплыли на поверхность острова второстепенные: Кйби, Адзуки, Ого-сима, Гиме-сима, Тзикано-сима и Футагино-сима, бывшія также созданіемъ Ицанагхи.

Что касается до другихъ небольшихъ острововъ, разбросанныхъ за ними, то тамъ, то здѣсь, океану, то они образовались въ послѣдствіи изъ морской пѣны и рѣчнаго илу.

Но такъ-какъ созданная страна оставалась пустынной и необитаемой, Ицанагхи воззвалъ къ жизни восемь милліоновъ геніевъ, которые опустились разомъ на архипелагъ и немедленно произвели изобильную растительность.

Кромѣ того, Ицанагхи создалъ десять тысячъ предметовъ, отъ которыхъ произошло безчисленное множество нынѣ существующихъ предметовъ.

Съ своей стороны, богиня Ицанами создала геніевъ руды, водъ, водяныхъ растений, плодородія, земли и огня.

Божественная чета творила во вселенной посредствомъ самобытной творческой способности, а не путемъ зарожденія. Ицанагхи и Ицанами, глядя съ вниманіемъ на любовь птицъ, Изи-Татаки (*tsucatailla lugubris*), первые подали примѣръ дѣторожденія. Дѣтей у нихъ не было много; старшій и совершеннѣйшій былъ основателемъ пяти династій земныхъ боговъ.

Такимъ образомъ жители земли происходятъ по прямой линіи отъ Ицанагхи и Ицанами.

Есть различныя біографіи дѣтей первой четы. Одинъ изъ нихъ, Гирооко, ради своего безобразія положенъ въ тростниковую корзинку и пущенъ на море; другой, Зозано, изгнанъ за жестокость. Ицанами исчезла, родивъ генія огня. Неутѣшный Ицанагхи, спускался въ адскія страны, отыскивая свою любимую супругу. Тутъ его приняли очень дурно, и только благодаря способности творить чудеса избѣгнуть онъ опасности остаться въ аду плѣнникомъ.

Потомъ и Ицанагхи покинулъ этотъ міръ, и съ его исчезновеніемъ окончилось владычество въ бесныхъ боговъ.

Первый изъ дѣтей Ицанагхи и Ицанами сдѣлался верховнымъ главою всего ихъ творенія. Это была ихъ старшая дочь, великое и божественное солнце, Охо-Гиру-Ме-Мутзи, названное также великимъ геніемъ блистающимъ въ небѣ, Ама-тера-у-охо-ками. Божеству этому поклоняются во всей японской имперіи, даже раціоналистскія секты почитаютъ его подъ популярнымъ именемъ Тенъ-сѣ-дзю-даи-цинъ, великой начальной богини, наслѣдницы небеснаго поколѣнія. Такъ какъ она единственное дитя отъ Ицанагхи и Ицанами, оставившее потомство, то всѣ японцы, и specially императоры, Микадо, выводятъ свое происхожденіе по прямой линіи отъ богини солнца.

Послѣ нѣсколькихъ сотъ-тысячелѣтняго царствованія, Тенъ-сѣ-дзю-даи-цинъ оставила наслѣдникомъ своего старшаго сына, а съ правнукомъ послѣдняго угасло поколѣніе земныхъ боговъ.

Пятый и послѣдній изъ земныхъ боговъ оставилъ четырехъ сыновей, но престолъ занялъ младшій. Въ юности онъ носилъ имя Санно-но-Микато, властитель небольшой территоріи. Сорока-пятилѣтъ отъ роду, онъ выступилъ на завоеваніе острововъ, лежащихъ къ востоку отъ его владѣній. Починивъ ихъ своей власти, онъ соединилъ подъ свой скипетръ всѣ извѣстные въ ту эпоху острова Японіи и основалъ династію Микадо.

Послѣ смерти его назвали Цинму-тенъ-воо, повелитель, прославившійся на небѣ; подъ этимъ званіемъ ему воздаются божескія почести.

Цинму, первый повелитель людей, открываетъ историческую эру Японіи, начинающуюся со вступленія его на престолъ въ 660 году до Рождества Христова.

Такова японская космогонія, приведенная къ своему простѣйшему выраженію, очищенная отъ множества экзотическихъ вѣтвей, занесенныхъ изъ Индіи или Китая; даже и въ этой формѣ она является далеко не цѣльнымъ и однороднымъ твореніемъ. Легко можетъ статься, что изъ всей этой неудобоваримой концепціи дѣйствительно оригинальными произведеніями останутся мифы Ицанагхи и героическая эпопея Цинму. По двумъ названнымъ нами эпизодамъ всѣ источники говорятъ ясно. Но не такъ происходитъ въ отношеніи нѣкоторыхъ подробностей, которыя бы можно было сравнивать съ близко касающимися насъ преданіями грековъ и евреевъ. Такъ, по источникамъ приводимымъ Зибольдомъ, говорится о трехъ первоначальныхъ богахъ творенія, въ которыхъ какъ будто бы проглядываетъ слѣдъ библейской троицы, между тѣмъ какъ въ переводѣ приписываемомъ аббату Мерме, о нихъ не упоминается вовсе.

Впрочемъ, мы имѣемъ дѣло не столько съ компиляціей легендъ и народныхъ басенъ, сколько съ произведеніемъ преднамѣреннымъ, очевидно задуманнымъ съ цѣлью прославить династію, сообщивъ ей божественный характеръ. Слѣдовательно, произведеніе это относится къ эпохѣ, позднѣйшей основанія имперіи Цинму. Замѣчательно, что она успѣла замѣнить собою совершенно всѣ древнія изустныя преданія

данія. Послѣднія, безъ сомнѣнія, имѣли въ себѣ нѣчто не столь лестное для народной гордости. Только онѣ одни могли бы пролить свѣтъ на происхожденіе японскаго народа.

Нельзя сказать, чтобы послѣдній принималъ буквально толкованіе, посвященное двору микадо. Я не думаю, чтобы въ наше время нашлось въ Японіи хоть одно лицо, считающее себя серьезно потомкомъ солнца; но при случаѣ всѣ японцы безъ различія не прочь взывать къ національной міеологии, въ видѣ протеста противъ всякаго сближенія, которое покусились бы сдѣлать между ними и китайцами, или какимъ нибудь другимъ сосѣднимъ народомъ.

ГЛАВА IX.

КУЛЬТЪ КАМИ.

Міеологическое начало Японіи. — Японскіе міеы. — Легенда объ Ицанагхи. — Первый алтарь. — Религія Камі.

Если бы Японія обязана была своимъ политическимъ существованіемъ корейской, китайской или татарской эмиграціи, то на которомъ нибудь изъ западныхъ береговъ имперіи непременно успѣли бы открыть первоначальное гнѣздо, или, по крайней мѣрѣ, первый этапъ ея развитія. Напротивъ, все показываетъ, что древняя японская цивилизація родилась въ самой центральной части богатыхъ земель, составляющихъ основаніе великаго острова Ниппона. Первобытная Японія, съ исторической точки зрѣнія, начинается у крайнихъ восточныхъ предѣловъ внутренняго моря и захватываетъ въ свою черту островъ Авадзи, отдѣляющій бассейнъ Аримы отъ залива Осаки; далѣе—низменные берега Ниппона, гдѣ находятся города Хіого, Осака и Сакаи; потомъ—къ сѣверу, внутри страны, плодородныя равнины Кіото, и наконецъ—на юго-востокъ отъ послѣднаго города—гористыя провинціи Іомато и Исіэ, въ центрѣ треугольнаго полуострова, гдѣ Осака занимаетъ сѣверо-западный уголъ и вершину котораго составляетъ мысъ Идсумо.

Первое названіе, подъ которымъ Японія извѣстна въ исторіи, была страна Іомато. Слово же Японія есть чужеземная форма, испорченное имя Ниппона, обозначающее у туземцевъ и главный островъ ихъ архипелага, и всю вообще имперію, потому-что они никогда не называютъ ея иначе, какъ Ниппонъ, или Великій Ниппонъ, а это слово въ переводѣ значитъ Колыбель Солнца.

Такимъ образомъ южный полуостровъ Ниппона съ прилегающими островами является для японца отчизною его боговъ и мѣстопребываніемъ основателей ихъ политической жизни. Это священная почва ихъ національныхъ преданій, класическая земля древней имперіи Микадо.

Ее не воспѣлъ ни одинъ поэтъ запада. Она прославлялась только мѣстными бардами, которыхъ имена и творенія остались невѣдомы міру. Зародившаяся на ней цивилизація, отъ которой остались одни внѣшнія формы, прошла безслѣдно въ исторіи человѣчества. Правда, наука нѣсколько интересовалась ею, такъ зачѣмъ же и требовать большаго? къ чему выводить ее изъ портфелей археологовъ? да и не будетъ ли слишкомъ смѣлой попыткойъ показать ее взорамъ общества?

Хотя всѣ эти соображенія и приходили мнѣ въ голову, но въ то же время я чувствовалъ, что въ основѣ изысканій о древнихъ цивилизаціяхъ лежитъ чувство болѣе глубокое, чѣмъ страсть къ наукѣ, въ особенности, когда эти цивилизаціи исчезли безъ всякаго вліянія не только на нашу, но и на какую бы то ни было, за предѣлами своей національной области. Подъ этими чуждыми намъ формами, мы жадно ищемъ тѣхъ же основныхъ причинъ человѣческихъ страстей, тѣхъ же началъ добродѣтели и порока, ту же житейскую драму, которую столько разъ наблюдали и въ себѣ и въ другихъ. Ни мѣсто сцены, ни декораціи, ни костюмы,—ничто не напоминаетъ того, что мы обыкновенно привыкли видѣть, и между тѣмъ мы сильно сомнѣваемся встрѣтить что-либо противоположное изученной уже натурѣ человѣка, и тайный голосъ невольно подсказываетъ то, съ чѣмъ нѣкогда

старые баснописцы обращались къ публикѣ: «Другъ-читатель, о тебѣ идетъ рѣчь. *«De te fabula narratur»*».

Поэзія, которая подъ небомъ Нишона, какъ и повсюду, беретъ свое добро вездѣ, гдѣ его находитъ, открыла въ мнѣ Ицанагхи источникъ первыхъ религіозныхъ установленій японскаго народа. Она уже давно сдѣлала изъ него предметъ какой-то баллады, нравственное значеніе которой разъяснилъ мнѣ г. Фогель, въ Батавіи. Справляясь съ туземными художниками, я убѣдился потомъ въ Японіи, что народъ сохранилъ въ памяти эту поэтическую легенду; вотъ почему мнѣ хочется привести здѣсь наиболѣе замѣчательныя мѣста ея:

«Шесть династій смѣнились уже на небесномъ престолѣ, когда Ицанагхи, — седьмой изъ небесныхъ боговъ, рѣшился призвать къ жизни низшій міръ.

«Когда онъ увидѣлъ его возвышающимся изъ волнъ океана, то почувствовалъ влеченіе къ новому созданію и, обратившись къ своей божественной подругѣ Ицанамі, предложилъ ей спуститься на землю. Богиня съ удовольствіемъ приняла это любезное приглашеніе, и небесная чета, опершись на балюстраду своего эфирнаго жилища, стала совѣтываться. Ихъ взоры пробѣгали по граціозному бассейну внутренняго японскаго моря, и они, съ общаго согласія, рѣшили направиться къ красивому острову Авадзи, который, подобно корзинкѣ съ листьями и цвѣтами, покоился на глубокихъ и тихихъ водахъ, защищавшихъ съ одной стороны скалы Сикокфа, съ другой — плодоносные берега Нишона.

«Прибывши туда, боги долго не могли насытиться прелестями этого уединеннаго убѣжища. Они то пробѣгали по полямъ, изукрашеннымъ цвѣтами и простиравшимся вдоль моря, по сѣверному берегу то взбирались на холмы и дышали ароматомъ миртовыхъ и померанцовыхъ рошъ, или садились на краешекъ свѣжаго каскада, ропотъ котораго сливался съ щебетаніемъ птицъ. Средина острова представляла для нихъ, на вершинахъ высокихъ горъ, обширную тѣнь сосенъ, камфоры и прочихъ ароматическихъ деревьевъ или таинственное уединеніе гротовъ, устланныхъ мхомъ и скрытыхъ завѣсою вьющихся лианъ. Видя этотъ островъ, бывшій ихъ созданіемъ; эту восхитительную природу, вызванную ими къ бытію; этихъ птицъ, весело вившихъ свои гнѣзда на вѣтвяхъ дерева, имъ показалось, что земное существованіе не было недостойно боговъ. Проходили дни, мѣсяцы, годы и наконецъ настало время, когда божественная чета перестала блуждать одинокою по холмамъ и долинамъ: передъ глазами ихъ, на порогѣ жилища, въ цвѣтущей долинѣ прекраснаго Авадзи, — играла толпа веселыхъ дѣтей. Однако же, по мѣрѣ того какъ дѣти подрастали, облако печали нерѣдко туманило взоры родителей. Небесная чета не могла въ дѣйствительности не знать, что все, рождающее ся на землѣ, подвержено смерти. И дѣти ихъ рано или поздно должны были испытать этотъ неумолимый законъ. Эта мысль заставляла содрогаться кроткую Ицанамі. Она не въ состояніи была равнодушно представить, что наступитъ день, когда она принуждена будетъ закрыть глаза своимъ дѣтямъ и въ тоже время насладиться сама безсмертіемъ. Ей казалось, что лучше сойти вмѣстѣ съ ними въ могилу. Ицанагхи рѣшился положить конецъ состоянію, которое становилось грустнѣе съ каждымъ днемъ. Онъ началъ убѣждать свою супругу возвратиться съ нимъ въ небесное жилище, прежде чѣмъ образъ смерти омрачитъ семейное счастье. «Правда», сказалъ онъ ей, «дѣти наши не могутъ послѣдовать за нами въ мѣсто пребыванія ненарушимаго блаженства; но, покидая ихъ, я съумѣю облегчить горестъ разлуки такимъ наслѣдіемъ, которое дастъ имъ способъ приблизиться къ намъ, насколько это возможно для смертныхъ». Онъ сказалъ и, передъ разлукой, попросилъ дѣтей отереть свои слезы и внимательно высказать свою послѣднюю волю. Онъ началъ имъ описывать въ такихъ яркихъ образахъ, для которыхъ безсильно человѣческое слово, всю прелесть невозмутимаго спокойствія, составляющаго неотъемлемый даръ небожителей. Онъ старался передъ ними выказать весь его блескъ, подобный чистому сіянію звѣзды, хотя конечно недоступной, но кажущейся съ вершины горы, скрывающей горизонтъ, все таки близкой. «И такъ прибавилъ онъ, хотя здѣсь вы и никогда не будете обладать тѣмъ блаженствомъ, какое предназначено высшему міру; но отъ васъ будетъ зависѣть, въ теченіе земной жизни имѣть какъ бы долю его, т. е. созерцать и предвкушать это блаженство, съ тѣмъ, конечно, чтобы свято исполняли мои заповѣди.» Съ этими словами, онъ поднялъ правой рукой отполированный серебряный дискъ, много разъ отражавшій въ себѣ чистый образъ его божественной подруги, съ той поры какъ она снизошла на землю, велѣлъ дѣтямъ стать на колѣни и торжественно продолжалъ: «Оставляю вамъ этотъ драгоценный памятникъ. Онъ будетъ напоминать вамъ благословенныя черты вашей матери. Въ тоже время, вы въ немъ увидите и собственный образъ. Правда, для васъ это будетъ унылымъ сравненіемъ, но не останавливайтесь надъ грустнымъ разглядываніемъ самихъ себя. Старайтесь усвоить себѣ божественное выраженіе возлюбленнаго образца, который

нынѣ вамъ придется искать только на небѣ. Передъ этимъ зеркаломъ, вы должны всякое утро становиться на колѣни. Оно укажетъ вамъ морщины, проводимыя тою или другою земною заботою на вашемъ челѣ, или тревожное выраженіе, запечатлѣнное гибельными страстями на чертахъ вашего лица. Стирайте эти печати зла, возвращайтесь къ гармоніи, къ ясному спокойствію, и потомъ обращайтесь къ намъ съ молитвой, но просто и неліцемерно. Знайте, что боги читаютъ въ вашей душѣ также, какъ вы читаете на своемъ лицѣ, смотрясь въ это зеркало. Если въ теченіе дня вы почувствуете въ душѣ какое нибудь мятежное чувство, нетерпѣніе, зависть, жадность, гнѣвъ и не въ состояніи будете побороть его вначалѣ, приходите скорѣй въ святилище утреннихъ молитвъ вашихъ, повторите въ немъ омовеніе, размышленія и молитвы. Наконецъ, всякій вечеръ, передъ отходомъ ко сну, да будетъ послѣдняя мысль ваша обращеніемъ къ самому себѣ и новымъ стремленіемъ къ блаженству того высшаго міра, въ который мы предшествуемъ вамъ!

Здѣсь оканчивается легенда, но преданіе прибавляетъ, что дѣти Ицанагхи освятили памятникомъ сыновней набожности мѣсто, гдѣ простились съ своими божественными родителями. На немъ они воздвигли алтарь изъ кедроваго дерева, безъ всякихъ украшеній, кромѣ зеркала Ицанами и двухъ вазъ сдѣланныхъ изъ бамбука, въ которыхъ стояли букеты любимыхъ цвѣтовъ этой богини. Простая хижина четырехугольной формы, съ тростниковой крышей, предохраняла деревенскій алтарь. Онъ запирался двумя раздвижными ставнями, но тогда только, когда мѣра эта признавалась необходимою, въ дурную погоду. Здѣсь-то, всякое утро и вечеръ, сходились дѣти Ицанагхи исполнять обряды культа, завѣщаннаго ихъ отцомъ. Они царствовали на землѣ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, въ продолженіе періода отъ двухъ до трехъ миліоновъ лѣтъ, и, въ свою очередь, содѣлывались блаженными духами бессмертными *ками*, достойными божескихъ почестей.

Наука, подтверждая данныя преданія, удостовѣряетъ, что въ эпоху возникновенія исторической эры японцевъ почти за шесть столѣтій до Р. Х., въ странѣ этой существовала уже самобытная религія, которая, по замѣчанію Кемпфера, не проникла и не вводилась нигдѣ въ остальномъ мірѣ и которая сохранилась до настоящаго времени, хотя въ измѣненной формѣ и грубѣйшемъ видѣ, относительно прочихъ сектъ позднѣйшаго происхожденія. Это и есть настоящая религія *ками*, получившая въ послѣдствіи различныя названія, заимствованныя изъ китайскаго языка, которыя, вслѣдствіе этого, я и не привожу здѣсь. Ее не слѣдуетъ разсматривать какъ поклоненіе духамъ предковъ вообще или предкамъ того и другаго семейства въ особенности. Духи, боготворимые подъ названіемъ *ками*, принадлежатъ, правда, къ міеологической или героической легендѣ, слава которой отражается на многихъ и теперь существующихъ фамиліяхъ, но эти *ками* скорѣе являются національными геніями — хранителями Японіи и ея народа. Къ тому же, чѣмъ могли быть первобытные *ками*, какъ не этими баснословными личностями національной космогоніи, этими міеологическими геніями или героями и прочими второстепенными божествами, которыя хотя и происходятъ отъ одной отрасли, но пользовались и теперь пользуются божескими почестями во многихъ частяхъ Японіи, гдѣ еще съ самой отдаленной древности воздвигались въ честь ихъ моельни? Деревенскія постройки эти называются *миа*. Самыя знаменитыя расположены въ юго-западной части архипелага, бывшаго, какъ кажется, колыбелью первобытной цивилизаціи японскаго народа. И въ настоящее время тысячи богомольцевъ стекаются туда, особенно весной, со всѣхъ почти провинцій имперіи.

Моельня, посвященная Тенъ-зджоо-даи-цину, въ странѣ Исійе, считается самымъ достовѣрнымъ памятникомъ первоначальной религіи японцевъ. Кемпферъ увѣряетъ, что синтоисты, (китайское названіе послѣдователей культа *ками*) ходятъ на богомолье въ Исійе разъ въ годъ или по крайней мѣрѣ, разъ въ жизни.

«Храмъ въ Исійе, прибавляетъ онъ, лежитъ на обширной равнинѣ. Это не болѣе какъ ветхое деревянное строеніе, низенькое, съ довольно плоской соломенной кровлей. Его тщательно стараются поддерживать и сохранять въ томъ видѣ, какъ онъ былъ первоначально построенъ. Дѣлается это съ тою цѣлью, чтобы онъ могъ служить памятникомъ крайней бѣдности предковъ, основателей храма, или первыхъ людей, какъ называютъ ихъ. Посреди храма стоитъ металлическое зеркало, отполированное на туземный манеръ, а вокругъ стѣнъ вырѣзанная бумага. Зеркало служитъ символомъ всевидящаго ока великаго бога, которому поклоняются, и полнаго всевѣдѣнія его всего, что происходитъ въ самыхъ сокровенныхъ тайникахъ души поклонниковъ. Бѣлая вырѣзанная бумага представляетъ чистоту мѣста и напоминаетъ вѣрующимъ, что они должны войти сюда съ чистымъ сердцемъ и тѣломъ омытымъ отъ всякой грязи».

Какъ ни любопытна эта замѣтка, она не даетъ полнаго понятія объ архитектурномъ типѣ, окончательно усвоенномъ храмомъ ками. Періодъ постройки молебни Исійё принадлежитъ къ дѣйстви искусства, достигающаго самой чистой формы своей на зарѣ историческихъ временъ, въ царствованіе первыхъ микадо. Постараюсь указать его существенныя черты.

Во первыхъ, мѣсто расположенія храма составляетъ капитальный вопросъ. *Mia* строится обыкновенно въ мѣстахъ живописныхъ и богатыхъ высокими деревьями. Иногда къ священному зданію ведетъ красивая сосновая или кедровая аллея. Во всякомъ случаѣ передъ нимъ долженъ стоять *тори*, или отдѣльный порталъ, описаніе котораго я приводилъ, говоря о Бентанскомъ храмѣ.

Mia воздвигаются обыкновенно на холмѣ, иногда даже искусственномъ, и въ такомъ случаѣ одѣтомъ каменною стѣною циклопической постройки. На холмъ взбираются по лѣстницѣ широкой и исправно содержимой. У подошвы этой лѣстницы стоитъ часовня омовеній: простой навѣсъ, подъ которымъ находится каменный бассейнъ, постоянно наполненный водою.

Освященіе талисмановъ способствующихъ плодородію. (Культъ Ками.)

Что касается собственно храма, то онъ воздвигается на одинъ или на два метра отъ земли и поддерживается четырьмя массивными колоннами и окруженъ, какъ большая часть японскихъ жилищъ, галлереею или верандою, куда ведетъ нѣсколько ступенекъ. Обыкновенно его строятъ изъ дерева, причемъ три стороны закрытыя, четвертая или главный фасадъ открытая, но снабженная подвижными ставнями, которыми и запирается въ случаѣ надобности. Слѣдовательно, внутренность святилища совершенно доступна взорамъ каждаго. Строгая простота, отличающая его, не лишена впрочемъ нѣкотораго изящества. Деревянные стѣны блестятъ чистотой; циновки, покрывающія полъ, самыя тонкія. Металлическій дискъ, украшающій алтарь, производитъ въ общемъ весьма благопріятный эффектъ. Если разсматривать его съ символической точки зрѣнія, то и здѣсь ничто не ослабляетъ его нѣмало краснорѣчія, потому что вокругъ нѣтъ ни статуй, ни балдахиновъ, которые могли бы отвлекать вниманіе и мѣшать сосредоточенной молитвѣ. Наконецъ, крыша молебни имѣетъ также свою оригинальную сторону. Она можетъ быть безразлично: соломенная, деревянная или черепичная. Осо-

бенную фізіономію кровлѣ *mia* придаетъ форма стропиль. Они постепенно понижаются со всѣхъ сторонъ къ основанію, а отсюда выдвигаются впередъ и составляютъ выступъ надъ столбами веранды. Вслѣдствіе этого крыша, начиная съ широкаго основанія до вершины, представляетъ возвышеніе значительное и непропорціональное высотѣ самаго зданія. Сверхъ того, у двухъ верхнихъ угловъ крыши стропила оканчиваются двумя бревнами, оставляемыми на виду и имѣющими видъ буквы X или андреевскаго креста. Но такъ-какъ уровень крыши не превышаетъ точки пересѣченія бревенъ, то двѣ лопасти креста соединяются съ крышей, двѣ же остальныхъ торчатъ надъ нею въ воздухѣ. Послѣднія представляютъ также ту особенность, что при вершинѣ дѣлаются желобковатыми или вырѣзанными, съ цѣлю, вѣроятно, придать имъ воздушный видъ. Въ дополненіе такой странной архитектуры, черезъ все продольное возвышеніе кровли ставятся, на небольшихъ одинъ отъ другаго разстояніяхъ, маленькія бревна, обточенные въ видѣ веретена. Сколько я ни бился, не могъ догадаться какія соображенія руководили подобной постройкой.

По всей вѣроятности, таковъ былъ типъ *mia* въ его первоначальной чистотѣ.

Нужно ли прибавлять сюда украшеніе, о которомъ говоритъ Кемпферъ, то есть полосу бѣлой бумаги? Это весьма возможно, потому что въ Японіи между всѣми сектами, которыми такъ изобилъна страна, встрѣчается символическій обычай, до сихъ поръ необъясненный, привѣшивать ленты бумаги на стѣнахъ храмовъ, къ перекладинамъ домовъ, на соломенныхъ веревкахъ, протягиваемыхъ по сосѣдству нѣкоторыхъ священныхъ мѣстъ или по улицамъ, во время религіозныхъ праздниковъ.

Японскій кр пильникъ состоитъ изъ небольшой кедровой палочки, съ привязаннымъ на верху пучкомъ лентъ изъ освященной бумаги. Аиносы, говорятъ, были уже знакомы съ этимъ инструментомъ. Въ большей части храмовъ каміи вы увидите ихъ прикрѣпленными къ одной изъ ступенекъ алтаря, впереди священнаго зеркала. Буддистскіе жрецы держатъ его въ правой рукѣ и помахиваютъ передъ собою, или при заклинаніяхъ, или чтобы очистить воздухъ отъ вліянія злыхъ духовъ. Имъ подають кропильникъ зеленый и кропильникъ пяти-цвѣтный.

Къ числу нововведеній, болѣе или менѣе близкихъ къ намъ, слѣдуетъ отнести также слѣдующіе предметы. При входѣ нѣкоторыхъ *mia*—двѣ статуи міеологическихъ животныхъ, отлитыя изъ бронзы и представляющія въ фантастическихъ формахъ, одна—нѣчто въ родѣ собаки, другая однорогой лани, обѣ сидяція на заднихъ лапахъ и, какъ говорятъ, символизирующія два очистительныхъ начала—воду и огонь. Потомъ слѣдуютъ различныя украшенія алтаря: цвѣтные фонари, вазы для благовоній, тростинки, назначенныя для жертвоприношеній вина или саки, горшки съ цвѣтами, въ которыхъ поддерживаются постоянно вѣтки вѣчно-зеленыхъ кустарниковъ, какъ напримѣръ миртъ, кипариса и особенно сакаки (*Cleyera Koempferiana*). У подножія алтаря—деревянный ящикъ для сбора приношеній богомольцевъ. Крышка его состоитъ иногда изъ рѣшетки, чтобы удобнѣе бросать туда монеты и дозволить только однимъ жрецамъ, имѣющимъ отъ ящика ключъ, вынимать ихъ. Иногда крышка бываетъ сплошная съ небольшимъ бордюромъ по краямъ; набожные молещичики съ шумомъ бросаютъ на этотъ столикъ свою желѣзную монету, *сцени*, обернувши ее предварительно въ бумагу. Издали столикъ походить тогда на десертный подносъ, наполненный маленькими свертками шоколадныхъ пластинокъ. На фронтисписѣ молещичи иногда привѣшиваютъ, какъ въ буддистскихъ храмахъ, нѣкоторые инструменты, которыми посѣтители вызываютъ бонзѣ, если послѣднихъ нѣтъ у алтаря; именно: гонгъ или металлическій щитъ съ веревкою завязанною въ узелъ, которою въ него бьютъ, или связка бубенчиковъ со шнуркомъ, посредствомъ котораго приводятъ ихъ въ колебаніе.

Буддизмъ, съ своей стороны, не мало заимствовалъ у національнаго культа каміи. Онъ помѣщаетъ на своихъ алтаряхъ зеркало Ицанами, а иногда на порогѣ бонзерій, справа и слѣва отъ главной двери, міеологическую собаку, высѣченную изъ гранита и поставленную на цоколь, росписанный грубыми китайскими письменами.

Лучшимъ доказательствомъ, что всѣ означенные предметы вводились позднѣе въ культъ каміи, служить обстоятельство, во всѣхъ отношеніяхъ заслуживающее вниманіе, что эта религія не имѣла при началѣ вовсе священства. Какъ мы уже видѣли, *mia* были прежде номинальными часовнями въ честь національныхъ героевъ, подобно часовнѣ Телля, въ Швейцаріи, на берегу озера Четырехъ-Кантоновъ. Преступникъ страны, почтенный по смерти такимъ монументомъ, становился ея гениемъ-хранителемъ. Но никогда жрецъ не служитъ на алтарѣ каміи, никакая привилегированная каста не становилась между поклонниками и предметомъ набожнаго поклоненія ихъ. Притомъ же моленіе передъ зеркаломъ Ицанами не обращалось собственно къ каміи этой часовни, но возноси-

лось къ богамъ, посредникомъ которыхъ были *ками*. Такимъ образомъ часовня открыта была для всѣхъ, предоставлялась вполне поклоненію вѣрныхъ, а культъ не облакался никакимъ церемоніаломъ. Но такой порядокъ вещей не удержался во всей чистотѣ. Младшіе сыновья главныхъ фамилій стали назначаться для надзора, обереганія, а впоследствии и для священнодѣйствія въ молебныхъ. Въ свою очередь, культъ *ками* ввелъ процессіи, молитвы, жертвоприношенія. Впрочемъ жрецы его, какъ бы для сбереженія первоначальныхъ преданій, никогда не соединялись въ собственно духовную касту. Они облачались во время священнодѣйствія, но, выходя за ограду святилища, снова надѣвали одежду и оружіе дворянина. Только низшее духовенство, находившееся въ ихъ зависимости, успѣло составить монашеское братство *канузи*, посвятившіе себя исключительно на служеніе богомольцамъ.

Двѣ главные причины заставили культъ *ками* уклониться отъ первобытной чистоты: въ началѣ — образованіе власти *микадо*, потомъ — вторженіе буддистской религіи въ среду японскаго общества.

ГЛАВА X.

ПЕРВЫЕ ГОСУДАРИ ЯПОНИИ.

Цинму. — Его побѣды. — Завоеваніе Японіи. — Цингу. — Изобрѣтеніе японскихъ письменъ. — Политическія мѣры.

Исторія Японіи начинается съ завоевателя, пришедшаго съ одного изъ южныхъ острововъ. Лѣтописи имперіи считаютъ его туземнымъ государемъ, владѣтелемъ небольшой территоріи на южной оконечности Кіузіу. Темное преданіе приписываетъ ему иностранное происхожденіе: колыбелью его семейства или его собственной служилъ небольшой архипелагъ острововъ Ліу-Кіу, которые какъ бы связываютъ Формозу и южный Китай съ Японіею. Но еще за шесть столѣтій до него, экспедиція, отправившаяся съ острова Формозы или съ азіатскаго континента, подъ предводительствомъ нѣкого государя Таипэ, или Таифака, переходя отъ острова къ острову, достигла наконецъ Кіузіу.

Какъ бы то ни было, но вступленіе на престолъ перваго историческаго лица Японіи, *Санно*, память котораго чтится подъ именемъ *Цинму*, — относится къ 667 г. до Р. X. Хотя онъ былъ младшимъ изъ четырехъ сыновей, но отецъ назначилъ его своимъ наследникомъ съ пятнадцати лѣтъ. На престолъ же онъ вступилъ сорока-пяти безъ всякаго сопротивленія со стороны старшихъ братьевъ. Одинъ старый служитель, жизнь котораго полна была приключеній и завела на одинъ изъ отдаленныхъ острововъ, за которыми восходитъ солнце, любилъ впоследствии описывать Цинму красоту береговъ ихъ, гдѣ нѣкогда боги даже избрали себѣ жилище. Теперь, прибавлялъ онъ, они населены варварскими племенами, постоянно воюющими однѣ съ другими. Если бы государь захотѣлъ воспользоваться ихъ несогласіями, то какъ ни искусны воины тамошніе въ умѣнье владѣть копьемъ, лукомъ и мечомъ, но, одѣтые въ грубыя ткани или въ кожи дикихъ звѣрей, они не въ состояніи были бы сопротивляться арміи дисциплинированной и защищенной отъ ихъ ударовъ желѣзными касками и латами. Цинму послушалъ наущеній стараго слуги, собралъ всѣ силы, какими могъ располагать, распредѣлил ихъ подъ начальство старшихъ братьевъ и своихъ сыновей, посадилъ армію на флотъ военныхъ джонокъ, снабженныхъ всѣмъ необходимымъ и, принявъ главное командованіе экспедиціею, распустилъ паруса, и ушелъ изъ своего государства, куда ни онъ, ни братья его уже не возвращались болѣе. Обогнувъ юго-восточную оконечность Кіузіу, Цинму направился вдоль восточной границы этого острова. Тутъ, подобно древнимъ норманамъ, онъ старался держаться вблизи береговъ, дѣлалъ высадки, сражался въ случаѣ сопротивленія и заключалъ союзы, если встрѣчалъ властителей и начальниковъ клана, готовыхъ содѣйствовать успѣху его предпріятія. Видно было, что все это побережье служило театромъ вторженій, съ самыхъ древнихъ временъ. Населеніе состояло изъ господствующаго класса и крѣпостныхъ рабовъ; въ нѣкоторыхъ молебныхъ *ками*

показывали каменное оружіе, употреблявшееся первобытными народами, въ эпоху когда они, неизвѣстно по какому случаю, вступили въ соприкосновеніе съ высшею цивилизаціею. Когда появился Цинму, стѣны и палисады защищали семейства и воиновъ обладателей страны. Послѣдніе вооружены были лукомъ, длинными оперенными стрѣлами, большою саблею съ чеканною рукояткою и мечомъ безъ ноженъ, продѣваемымъ въ петлю пояса. Высшая роскошь состояла въ цѣпи *магатамосъ* изъ ограненныхъ дорогихъ каменьевъ, которую привѣшивали съ боку, надъ правымъ бедромъ. Тутъ встрѣчались горный хрусталь, змѣвикъ, яшма, агатъ, аметистъ, топазъ: одни въ формѣ шарика или яйца, другіе—небольшаго цилиндра, луны, разломаннаго пополамъ кольца и пр. Женщины носили ожерелья изъ такихъ же каменьевъ. Говорятъ, будто употребленіе *магатамосовъ* еще до сихъ поръ стоитъ въ связи съ религіозными празднествами на островахъ Лиу-Киу и Иезо на сѣверѣ Японіи. Отсюда заключаютъ, что обычай этотъ долженъ быть общій у всѣхъ мелкихъ народовъ, населяющихъ длинную цѣпь острововъ, отъ Формозы до Камчатки. Если же онъ исчезъ въ центральныхъ

Музыканты первосвященнической капеллы въ Киото.

частахъ японскаго архипелага, то причину такого явленія слѣдуетъ отнести къ вліянію высшей культуры, характеризующей жителей этой мѣстности, которая заставила ихъ отбросить, какъ моду дурнаго вкуса, обычай вывѣшивать на себя всѣ семейныя богатства.

Послѣ десятидневнаго труднаго плаванія, прерываемаго только блестящими побѣдами и успѣшными переговорами, Цинму достигъ сѣверо-восточной оконечности острова Киузіу. Далѣе идти онъ не рѣшился, пока не увидѣлъ однажды рыбака, плывшаго смѣло по волнамъ въ верхнемъ щиткѣ огромной черепахи. Онъ велѣлъ его окликнуть и принялъ на службу въ званіи лоцмана экспедиціи. Тогда Цинму успѣлъ перейти проливъ, отдѣляющій Киузіу отъ Ниппона. Послѣдній простирается съ запада на востокъ обширнымъ полукругомъ, образующимъ сѣверный берегъ, почти средиземнаго моря, южный предѣлъ котораго ограничивается большими островами Киузіу и Сикокфомъ. Внутреннее море испещрено мелкими архипелагами, а берега Ниппона изрѣзаны заливами и полуостровами, пред-

Скачки въ Кіото — резиденціи микадо.

ставляющими превосходные порты. Цинму отправился по направленію къ востоку, дѣйствуя съ осторожною медленностью и не оставляя позади себя ни одного сколько нибудь важнаго пункта, не овладѣвъ имъ. Но такъ какъ туземцы оказывали сильное сопротивленіе на морѣ и на сушѣ, то онъ остановился и, укрѣпившись на полуостровѣ Такизамѣ, провелъ тутъ три года, чтобы соорудить вспомогательный флотъ. По возобновленіи военныхъ дѣйствій, онъ dokonчилъ завоеваніе приморскихъ земель и архипелаговъ внутренняго моря. Вслѣдъ затѣмъ, высадивъ большую часть арміи, проникъ въ средину Ниппона и подчинилъ своему господству богатѣя страны, пересѣченныя плодоносными долинами и лѣсистыми горами, простиравшіяся отъ Оасаки до залива Іедо.

Съ этого врмени весь земледѣльческій край и всѣ образованные народы древней Японіи подпали власти Цинму. Остальная часть Ниппона, также какъ сѣверные острова архипелага, представляла почти сплошные лѣса, убѣжища бродячихъ туземныхъ племенъ, живущихъ охотою и рыбной ловлею. Эти разсѣянные племена отодвигались все болѣе и болѣе къ сѣверу, послѣдовательными переселеніями и вторженіями жителей юга.

Вдоль приморскихъ земель и на островахъ сѣверной части Великаго океана еще до сихъ поръ встрѣчается особое племя людей коренастыхъ, съ обросшимъ волосами тѣломъ, толстой головой, приплюснутымъ лицомъ, которымъ японцы даютъ названіе *аиносы*, то-есть «первыхъ людей». Типъ этотъ встрѣчается между ними иногда даже въ классѣ крестьянъ, лодочниковъ, рыбаковъ, носильщиковъ. Имя, даваемое этому народу, не заключаетъ въ себѣ никакого презрительнаго смысла, а это, по моему мнѣнію, служитъ доказательствомъ, что *аиносы* составляли первоначальное ядро населенія Японіи. Въ японскомъ языкѣ выраженіе, соотвѣтствующее слову варваръ, есть «йебисъ», но никогда *аиносы*. Кажется, что въ эпоху завоеваній Цинму, это первобытное племя было уже покорено или отчасти вытѣснено предводителями предшествовавшихъ нашествій, которые, въ свою очередь, должны были испытать законъ послѣдняго нашествія, имѣвшаго передъ ними всѣ преимущества высшаго образованія. Впрочемъ, приходится довольствоваться только этими замѣчаніями, потому что анализъ различныхъ элементовъ, изъ которыхъ обра-

зовался національный характер японцев, невозможенъ. Въ заключеніе скажу, что японская цивилизація, по моему мнѣнію, является результатомъ не однихъ переселеній, но скорѣе слѣдствіемъ сліянія туземнаго элемента съ иностранными. Здѣсь смѣшеніе расъ произошло безъ поглощенія природныхъ особенностей. У островитянъ крайняго запада, напримѣръ у островитянъ Великобританіи, сліяніе дало новый типъ, совершенно оригинальный.

Когда божественный воитель Цинму достигъ предѣла своего честолюбія, прошло семь лѣтъ со времени отъѣзда его изъ Кіузіу, и сколько трудовъ, усталости, лишений всякаго рода приносили они за собой! Въ глазахъ его погибли трое братьевъ, одинъ пронзенный стрѣлой при осадѣ крѣпости, двое остальныхъ — жертвою преданности, потому что рѣшились броситься въ море, чтобы утишить бурю, едва не потопившую джонку завоевателя. Съ другой стороны, солнце всегда пребывало благосклоннымъ къ его предпріятіямъ. Этому божественному покровителю обязанъ былъ онъ тѣмъ, что не заблудился въ опасныхъ дефілеяхъ Іомато. Посланный солнцемъ, въ самую критическую минуту, воронъ послужилъ для Цинму проводникомъ и выручилъ его изъ бѣды. Въ память объ этомъ событіи, въ фамильномъ гербѣ своемъ, также на знамени, латахъ и военномъ опахалѣ, онъ велѣлъ нарисовать образъ ослѣпительнаго божества, такъ-какъ оно являлось каждое утро, восходя надъ горизонтомъ. На четвертый годъ царствованія, когда онъ увидѣлъ себя обладателемъ неоспоримой власти, то учредилъ торжественное благодарное празднество въ честь Тень-сджоо-даи-цина. Національные Kami, имѣли также свою долю въего почестяхъ. Онъ установилъ жертвоприношенія въ честь осьми безсмертныхъ духовъ, покровителей страны и семействъ, чтобы отпраздновать болѣе достойнымъ образомъ открытіе своей царственной резиденціи и окружить тронъ свой престижемъ религіи, дорогой для побѣжденныхъ имъ народовъ. Страна Іомато занимаетъ въ юго-восточной части Ниппона средину большого полуострова, омываемаго водами внутренняго моря и океана. Здѣсь-то построилъ Цинму обширный укрѣпленный замокъ, на широкомъ холмѣ, вершина котораго выровнена была по его приказанію. Онъ назвалъ этотъ замокъ своимъ «міако», главнымъ мѣстомъ государства, и учредилъ здѣсь свой дворъ «даири». Оба названія переносились, съ этихъ поръ, въ различныя резиденціи древнихъ государей японской имперіи. Сами же они носили почетный титулъ «микадо», или «почтенный», не употребляя прочихъ славныхъ наименованій, подъ которыми значились по смерти въ лѣтописяхъ народныхъ. Мѣстные историки очень нерѣдко употребляютъ слово міако, вмѣсто собственнаго имени города, въ которомъ имѣлъ мѣстопробываніе императоръ, даири—вмѣсто титула микадо. Такимъ образомъ, они сказали бы, напримѣръ, безразлично: это исполнено по волѣ даири, или по волѣ микадо. Такой обычай употребляется въ придворномъ языкѣ и прочихъ дворахъ.

Такъ-какъ Цинму призванъ былъ на царство свободнымъ выборомъ своего отца, то и установилъ на будущее время, чтобы царствующій микадо назначалъ себѣ наслѣдника между сыновьями, а въ случаѣ неимѣнія ихъ между остальными принцами крови, коль скоро онъ сочтетъ то нужнымъ, не подчиняя своего выбора порядку первородства. Если бы престоль сдѣлался вакантнымъ во время малолѣтства избраннаго принца, то вдова микадо должна была принять на себя регентство имперіи и въ теченіе междуцарствія имѣть всѣ права и обязанности государя.

Цинму окончилъ свою трудную и блистательную жизнь на семьдесятъ-шестомъ году своего царствованія, въ 587 году до Р. Х. Онъ былъ помѣщенъ въ число *Kami*. Его моельня, извѣстная въ Японіи подъ именемъ Симойизиро, расположена на горѣ Камо, близъ Кіото. Ему поклоняются здѣсь и до сихъ поръ, какъ основателю и первому властелину имперіи. Въ продолженіе болѣе двухъ тысячъ пяти-сотъ-лѣтъ наслѣдственное право короны всегда существовало и до сихъ поръ поддерживается въ его фамиліи, нисколько неоспоримое новѣйшею политическою властью, которая, подъ именемъ тайкуната, управляла въ дѣйствительности Японскою имперіею.

Древніе микадо были превосходною и крѣпкою расой. Жены ихъ, управлявшія имперіею въ званіи регентшъ, стояли по характеру ничуть не ниже своихъ почтенныхъ супруговъ. Одна изъ Цингу (201 г. по Р. Х.) снарядила флотъ и, отправившись въ главѣ отборныхъ войскъ, переплыла Японское море и покорила Корею. Рассказываютъ, что изъ этой экспедиціи она возвратилась какъ разъ вовремя, чтобы разрѣшиться отъ бремени будущимъ микадо.

Вмѣстѣ съ расширеніемъ границъ имперіи шли и успѣхи цивилизаціи. Изъ Кореи вывезены лошади, оселъ и верблюдъ, но только первое изъ этихъ домашнихъ животныхъ акклиматизировалось въ Японіи. Устройство прудовъ и каналовъ для орошенія рисовыхъ плантацій относится къ 36 году до Р. Х., чайный кустарникъ вывезенъ изъ Китая; Татзима Нарі привезъ апельсинъ «изъ страны вѣчности». Воздѣлываніе шелковицы и обработка шелку развились въ особенности начиная съ пя-

таго вѣка нашей эры;—спустя два столѣтія открыли землю «замѣняющую масло и дрова», и стали извлекать серебро изъ рудниковъ Цузимы. Къ третьему столѣтію относятся много важныхъ открытія, напримѣръ: учрежденіе лошадиныхъ почтъ, выдѣлываніе рисоваго пива, извѣстнаго подъ названіемъ *инди саки*, искусство шить платья, переданное японскимъ хозяйкамъ швеями, являвшимися изъ королевствъ *со* *Петзи*, въ *Кореѣ*. Микадо былъ приведенъ въ восторгъ первыми опытами и, желая изучить искусство *адми* въ самой средѣ его развитія, отправилъ посольство къ главѣ Небесной имперіи, съ тѣмъ, чтобы пріобрѣсти у него портныхъ. Въ четвертомъ вѣкѣ, дайри велѣлъ воздвигнуть во многихъ пунктахъ *импе* ріи запасные магазины рису, съ цѣлью предотвратить голодъ, не разъ опустошавшій его государство. Въ 543 году дворъ Петзи присылаетъ микадо драгоцѣнный инструментъ, — «колесо, указывающее югъ». Введеніе гидравлическихъ часовъ относится къ 660 году, а чрезъ десять лѣтъ начинаютъ устроиваться мастерскія и заводы, дѣйствующіе *си*силою воды.

Актеры и танцовщицы при дворѣ микадо.

Изобрѣтеніе самобытныхъ японскихъ писменъ появляется не ранѣе конца осьмага столѣтія, хотя китайскія письма введены были при дворѣ еще въ третьемъ вѣкѣ. Темнота древней японской литературы не позволяетъ опредѣлить на сколько открытіе это повліяло на цивилизацію. За то можно смѣло засвидѣтельствовать о благотѣльныхъ послѣдствіяхъ изящныхъ искусствъ, отразившихся съ самаго начала на нравахъ жителей. До тѣхъ поръ, при погребеніяхъ микадо или его супруги, *кизаки*, приносились обыкновенно человѣческія жертвы, избравшіяся преимущественно изъ самыхъ близкихъ слугъ. Въ 3 году до Р. Х., Номино Сукунэ, туземный скульпторъ, узнавши о смерти *кизаки* съ благороднымъ самоотверженіемъ предсталъ предъ государя и положилъ къ его ногамъ глиняныя изображенія людей, предлагая бросить ихъ въ гробницу его августѣйшей супруги, вмѣсто слугъ, назначенныхъ на закланіе. Микадо принялъ предложеніе темнаго ваятеля и, въ знакъ своего благоволенія, измѣнилъ его фамилію въ слово *фази*, «художникъ».

Законы оставались, также какъ и въ настоящее время, болѣе варварскими и жестокими, нежели нравы. Былъ случай, что одну благородную женщину, виновную въ прелюбодѣяннѣ, осудили на распятіе.

Что касается политическаго управленія страны, то ему обязаны жители цѣлымъ рядомъ мѣръ, отлично приноровленныхъ къ быстрѣйшему развитію національнаго духа, сознанію народной силы и индивидуальности. Съ 86 года до Р. Х., императоръ повелѣлъ ввести ревизіонныя таблицы населенія и соорудить морскія верфи; въ десятомъ вѣкѣ нашей эры, государство раздѣлено было на восемь административныхъ округовъ, а послѣдніе подраздѣлялись на шестьдесятъ восемь дистриктовъ; въ пятомъ вѣкѣ, въ каждомъ дистриктѣ назначался писецъ, обязанный собирать и вписывать обычаи и преданія своего округа. Въ то же время приступили къ назначенію и утвержденію собственныхъ именъ каждой фамиліи, также какъ титуловъ и прозваній княжескихъ родовъ въ провинціяхъ. Императорская дорога соединила собою пять главныхъ городовъ, куда микадо переносилъ послѣдовательно свою резиденцію. Въ седьмомъ столѣтіи самымъ значительнымъ городомъ былъ Оасака, на восточномъ берегу внутренняго моря.

Однако же, для того, чтобы дать странѣ единство, какъ съ политической стороны, такъ и со стороны языка, литературы и вообще цивилизаціи, нужно было учредить столицу, и основаніе Кіото, въ осьмомъ столѣтіи, было въ этомъ отношеніи великимъ событіемъ. Вскорѣ новый городъ сдѣлался любимой столицей микадо и постояннымъ мѣстопробываніемъ его, начиная съ двѣнадцатаго вѣка.

ГЛАВА XI.

РЕЗИДЕНЦІЯ МИКАДО.

Хіого и Оасака. — Кіото. — Церковная іерархія. — Храмы. — Населеніе Кіото и жизнь въ немъ. —
Театры и увеселенія. — Религіозныя церемоніи. — Матсури.

На низкихъ берегахъ Ниппона, очерчивающихъ бассейнъ Идсуми, противъ сѣверо-восточнаго берега Авадзи лежитъ городъ Хіого, котораго обширная и безопасная гавань служила въ теченіи столѣтій центромъ морской торговли Японской имперіи. Здѣсь джонки Симонозеки разгружаютъ въ обширныя склады и магазины города товары, привозимые изъ Китая, острововъ Лиу-Киу, Нагазаки, западнаго берега Ниппона и даже изъ Корей и Иесо для потребленія внутреннихъ провинцій и востока Японіи. Отсюда же отправляются тысячи другихъ джонокъ, для развоза по островамъ внутренняго моря земледѣльческихъ продуктовъ и предметовъ промышленности и искусства южныхъ провинцій Ниппона. Настанетъ время, когда двойная линія паровыхъ пакетботовъ свяжетъ гавань Хіого съ Китаемъ, къ великой торговой пользѣ Англіи и Франціи, а съ другой стороны — съ Іедо, Іокогамой и заокеанической линіей Гавайи и Калифорніи. Въ настоящее время и до 1868 года этотъ портъ остается закрытымъ для народовъ Запада. Туземная торговля, съ своей стороны, ограничивается каботажемъ и почти не теряетъ изъ-виду деревенскихъ береговыхъ маяковъ. Законы имперіи, издающіе даже правила конструкціи джонокъ, не позволяютъ имъ плавать въ открытомъ морѣ.

Каботажная торговля, мѣстопробываніемъ которой служитъ Хіого, находится почти вся въ рукахъ судохозяевъ Оасаки. Этотъ большой и древній городъ отстоитъ только на восемь часовъ ходьбы отъ Хіого. Положеніе его надъ устьемъ рѣки, развѣтвляющейся передъ впаденіемъ въ море на нѣсколько рукавовъ, облегчило устройство навигаціонной сѣти каналовъ въ самомъ городѣ, отчего Оасака и получила прозваніе японской Венеціи. Дворцы аристократіи занимаютъ набережныя, окоймляющія главный рукавъ рѣки. Остальной городъ состоитъ изъ домовъ и магазиновъ, принадлежащихъ купечеству. Изрѣдка лишь встрѣчаются здѣсь полуразрушенные и запущенные старинные храмы. Одинъ изъ нихъ, въ концѣ восточнаго предмѣстья, предоставленъ правительствомъ тайкуну въ распоряженіе иностранныхъ посольствъ. Цитадель, занимающая мило въ окружности, господствуетъ надъ сѣверо-западной частью города и командуетъ императорскою дорогою на Кіото. Въ городѣ Оасакѣ считается не менѣе семисотъ тысячъ жителей.

Онъ служилъ долго резиденціей микадо (съ 744 по 1185 годъ нашего счисленія). По всей вѣроятности имъ было удобно жить среди этого народа энергическаго, трудолюбиваго, предприимчиваго которому имперія главнымъ образомъ обязана была развитіемъ своей торговли и благосостоянія. Но прошло уже то героическое время, когда микадо, подобно венеціанскому дожу, всходилъ на военную джонку и лично исполнялъ обязанности адмирала. Онъ не осматривалъ уже своихъ дружинъ, сидя въ паланкинѣ и несомый четырьмя сильными оруженосцами, не управлялъ маневрами съ вершины холма, сидя на складномъ стулѣ и махая желѣзнымъ вѣеромъ. Въ Оасаки микадо достигаетъ верха богатства, могущества и безопасности, строить себѣ дворецъ посреди обширнаго парка и уединяется тамъ отъ городского шума. Придворные наперерывъ стараются увѣрить его, что достоинство внука солнца повелѣваетъ ему уклоняться отъ взоровъ толпы и предоставить окружающимъ князьямъ и любимцамъ тяжелыя заботы по управленію и командованію арміею и флотомъ. Жизнь даири подчинена уставамъ церемоніала, доводящаго этикетъ до мельчайшихъ подробностей, до малѣйшихъ движеній, которыя заключаютъ государя въ заколдованный кругъ, недоступный ни для кого другаго, кромѣ придворныхъ. Императорская власть лишь изрѣдка бросаетъ лучи на народъ. Буржуазія, обманутая въ своихъ надеждахъ и наскучившая самовластіемъ фаворитовъ, осмѣливается наконецъ возвысить голосъ, и ропотъ ея достигаетъ до ушей государя. Тотъ, не посоветовавшись съ собраніемъ вельможъ, учреждаетъ бюро, обязанныя принимать народныя жалобы. Придворные убѣждаются изъ этого, что династія внуковъ солнца стремится къ своей гибели, а потому рѣшаются удалиться съ императоромъ въ Кіото, небольшой внутренній городокъ, въ пятидесяти верстахъ къ сѣверу отъ Оасаки. Имъ удалось сдѣлать его вначалѣ резиденціей, потомъ міако, т. е. постоянной столицей имперіи. Оставляя населенный буржуазный городъ, этотъ центръ торговли, промышленности и умственной дѣятельности, независѣвшихъ отъ даири, придворные выигрывали двойную выгоду: прерывали всѣ сношенія императора съ народомъ и создавали новую столицу по собственному вкусу, прихоти и произволу страстей.

Кіото лежитъ въ центрѣ плодородной долины, открытой съ юга и защищаемой съ сѣверо-востока цѣнью зеленѣющихъ холмовъ, позади которыхъ тянется большое озеро Оитцъ. Онъ омывается съ южной стороны рѣкой Идогавой, выходящей изъ озера Оитцъ и впадающей во внутреннее море ниже Оасаки. Два притока Идогавы берутъ начало къ сѣверу отъ столицы и обтекаютъ стѣны: одинъ съ востока, другой съ запада.

И такъ, Кіото почти совсѣмъ окруженъ сѣтью текучихъ водъ, помогающихъ ирригаціи рисовыхъ полей, устройству въ городѣ каналовъ и въ императорскихъ паркахъ—прудовъ. Въ его окрестностяхъ воздѣлываютъ рисъ, сарачинское пшено, пшеницу, чайный кустарникъ, шелковицу, хлопчатникъ и много еще другихъ фруктовыхъ деревьевъ и огородныхъ растений. Холмы увѣнчаны рощами бамбука, лавра, каштана, сосны, кипариса. Холодные, прозрачные ключи бьютъ повсюду. Тысячи птицъ всевозможныхъ породъ и видовъ—соколовъ, фазановъ, удоновъ, гусей, утокъ, ястребовъ,—оси-
~~ляютъ~~ окрестность. Кіото славится въ Японіи мягкимъ климатомъ и между всѣми провинціями имперіи наименѣе подверженъ ураганамъ и землетрясеніямъ. Трудно было наслѣдникамъ Цинмуприс-
~~ка~~ ка болѣе удобное мѣсто, чтобы наслаждаться спокойно плодами рукъ своихъ предковъ, снисходительно дозволить обоготвореніе себя на пьедесталѣ древнихъ преданій своей расы и наконецъ забывать всѣ мелочи дѣйствительности, и притомъ забывать въ такой степени, что выпустить изъ обезсиленныхъ рукъ одинъ изъ лучшихъ скипетровъ міра.

Потомокъ японскихъ камі, само собою разумѣется, долженъ скорѣе всего быть главою національной религіи. У религіи этой не было духовенства, микадо создали іерархію церковныхъ чиновниковъ, обязанныхъ присутствовать при отправленіи малѣйшихъ обрядовъ вѣры. Были тутъ и распорядители священныхъ и патріотическихъ празднествъ, и антрепренеры общественныхъ похоронъ, и сторожа храмовъ съ ихъ сокровищами, и хранители мощей и кладбищъ. Всѣ высшія должности церковныя замѣстились членами или близкими родственниками императорскаго дома. Также поступили и относительно придворной службы и вообще всѣхъ важнѣйшихъ должностей даири. Начальники военнаго и гражданскаго управленій мало-по-малу стали отгѣсняться отъ собственно такъ называемаго двора, который вслѣдъ затѣмъ принялъ характеръ исключительно клерикальный.

Самая столица имперіи приняла странный видъ: въ ней не встрѣчалось почти ничего, напоминающаго учрежденія военныя, морскія, правительственныя. Все предоставлялось заботамъ чиновниковъ, опредѣленнымъ въ различныя должности и разосланнымъ по городамъ провинцій. Но за то всѣ секты, признавашіе верховную духовную власть микадо, считали за особую честь учреждать въ

его резиденціи мѣстопробываніе главныхъ агентовъ своего управленія и воздвигать, на зависть, одинъ другому, памятники своей религіозной специальности. Такимъ образомъ, когда буддизмъ, занесенный изъ Китая монахами, призналъ микадо духовнымъ главою имперіи и тѣмъ добился его покровительства, то живо перещеголялъ все, что дѣлалось въ столицѣ во славу культа ками. Японскіе буддисты снабдили Кіото самымъ большимъ колоколомъ въ мірѣ и построили храмъ также единственный въ своемъ родѣ: онъ называется храмомъ тридцати-трехъ-тысячъ-трехъ-сотъ-тридцати-трехъ, по числу идоловъ, стоящихъ въ немъ. Разгадка этого фокуса заключается въ томъ, что большія статуи поддерживаютъ множество маленькихъ на головѣ, колѣнахъ и даже ладоняхъ рукъ.

Храмы и часовни Кіото, принадлежащія древней національной религіи, не измѣнили, до нѣкоторой степени, того характера простоты, который отличаетъ ихъ въ провинціи. Одни изъ нихъ посвящены семи небеснымъ династіямъ туземной мифологіи, другіе духамъ земли, третьи—божеству солнца—Тень-зджоо-даи-цину, или его потомкамъ—первымъ микадо. Культъ ками обладалъ въ Кіото и его окрестностяхъ, къ концу семнадцатаго столѣтія, двумя-тысячами-ста-двадцатью-семью мѣ,

Придворная дама въ Кіото.

но буддизмъ личь разными сектами и подраздѣленіями своими насчитывалъ не менѣе трехъ-тысячъ осьми-сотъ-девяносто-трехъ храмовъ, пагодъ и часовенъ.

Болѣе нѣтъ замѣчательныхъ памятниковъ въ этой странной столицѣ.

Дворцы даири, какъ по назначенію, такъ и по архитектурному стилю, принадлежатъ къ числу священныхъ зданій. Они обнесены оградой, занимающей сѣверо-восточную часть города. Верхушки высокихъ деревьевъ, выглядывающія изъ за отдаленныхъ крышъ, даютъ неопредѣленное понятіе о пространствѣ и спокойствіи парковъ, внутри которыхъ императорское жилище скрывается отъ нечестивыхъ взглядовъ и городского шума.

Такъ какъ случается нерѣдко, что микадо отказывается отъ власти въ пользу наслѣднаго принца и отправляется доканчивать дни свои въ убожищѣ еще болѣе недоступномъ, то на этотъ случай имѣется дворецъ въ уединенной оградѣ юго-восточной части.